



АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АНДРЕЙ МАКСИМУШКИН



БОМБАРДИРОВЩИКИ

Бомбардировщики

Андрей Максимушкин

Бомбардировщики

«ЭКСМО»

2009

Максимушкин А.

Бомбардировщики / А. Максимушкин — «Эксмо»,
2009 — (Бомбардировщики)

Считается, что история не терпит сослагательного наклонения. Германия напала на СССР 22 июня 1941 года, и с этого момента Вторая мировая война стала для нас Великой Отечественной. Однако все могло сложиться иначе, если бы в 1940 году англо-французам удалось осуществить свои вполне реальные планы по бомбежке советской территории, а "великий фюрер" прислушался к советам Бисмарка и учел печальный опыт Наполеона. Итак, строители коммунизма и последователи национал-социализма решили объединиться против общего врага и покарать проклятых империалистов за все их прегрешения. И вот уже "сталинские соколы" плечом к плечу (вернее – крылом к крылу) с пилотами Люфтваффе бомбят ненавистную Британию, которая за двести последних лет уже не раз досаждала их державам...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Максимушкин

Бомбардировщики

Все описанные в романе события и действующие лица вымышлены. Любые совпадения с реальными именами случайны.

Глава 1

Дальний аэродром

Всего три дня назад полк перелетел на новый аэродром, обосноваться не успели, а стол уже завален бумагами. Ужас! Похоже, документы, ведомости, бланки заявок и прочие гадо-сти научились самопроизвольно размножаться. Подполковник Овсянников крикнул, разгибая спину, и принялся энергично тереть глаза. С самого обеда без отдыха просидел за канцеляр-щиной, а работы еще целый воз и маленькая тележка.

Ивану Марковичу больше всего сейчас хотелось смахнуть ворох бумаг на пол и рвануть на летное поле к людям, к летчикам. Знал, что и без него на аэродроме порядок, но хотел лично убедиться, пройтись по стоянкам, поговорить с ребятами, проверить, успели ли солдаты из БАО¹ откатить все машины в капониры и закрыть маскировочными сетями.

Эх, свалить бы всю чернильную рутину на заместителя, да не получается! Майор Иван Чернов вчера утром взял биплан и умотал в штаб дивизии. Сам Овсянников его и усла, с интендантством вопросы улаживать. Вернется Чернов через три дня. Еще ему обещали устро-ить «учебно-тренировочный» вылет вместе с союзниками. Наше командование настояло, дабы район боевых действий изучить, получить какой-то опыт и взаимодействие наладить. Так что вернется Иван Васильевич полный впечатлений. Будет что рассказать.

– Отдыхаете, Иван Маркович? – скрипнула дверь, и на пороге возник командир БАО майор Вайкулис. – Подпишите наряд-заказ.

– Что там у тебя? – недовольно буркнул Овсянников. Ему казалось, что бумажный водо-ворот никогда не иссякнет. Все несут и несут.

– Да мелочи, Иван Маркович. Сами знаете, на новом месте обосновываешься, что-нибудь да забудешь. Приходится выписывать.

– Ну и почерк у тебя, Тойво Матисович. Обезьяна в зоопарке и то лучше каракули выво-дит.

Подполковник был готов подписать бумагу не глядя, но вовремя остановился и принялся внимательно вчитываться в текст. Когда Тойво Вайкулис говорит «мелочи», да еще подчерк-нуто вежливо обращается не по уставу, а по имени-отчеству, будь осторожен. Мужик он хват-кий и пробивной, несмотря на свое происхождение из одной чудной свежеепеченной страны, родины невозмутимых рыбаков и погонщиков ездовых черепах, которая только этим летом неожиданно и совершенно добровольно рассталась с незаслуженно свалившейся на нее неза-висимостью.

Было дело, один раз Овсянников подписал заявку не глядя, потом сам же над собой хохо-тал. Майор Вайкулис вписал между вилками, колючей проволокой, лопатами и прочим хозяй-ственным барахлом полное собрание сочинений Карла Маркса на украинском языке. Потом сам поехал в интендантство и выбил все в точности по списку. Там он ссылался на подпись командира полка и последнее решение партсъезда.

На этом история не закончилась. Толстенная упаковка книг была торжественно перед строем вручена особисту в качестве подарка на день рождения. Шутка, надо сказать, удалась. Тонко, со вкусом и строго идеологически выдержано – не придерешься. Капитан Гайда, правда, втихаря долго матерился и обещал поквитаться с остряком, но это уже другая история.

– Так, а это что такое? – Овсянников черкнул ногтем по бумаге.

– Что, Иван Маркович?

¹ батальон аэродромного обслуживания

– Вот это, я спрашиваю. Обмундирования тебе зачем на полторы тыщи человек? Да еще меховые унты две сотни пар?

– Ну, это, – Вайкулис поскреб пятерней затылок, – сами понимаете, сроки к концу подходят, сами же потом меня ругать будете, если кого из бойцов в рваной шинели заметите.

– Вычеркни, недавно же все новое получили, – ругаться не хотелось, и объяснять командиру БАО, что излишки формы будут меняться на водку или что там у местных крепкого найдется, было лишним. Сам же Вайкулис и откроет лавочку.

– Понял, товарищ комполка, все по уставу и нормативам, – когда надо было, Тойво Матисович умел признавать ошибки, за это его и ценили.

Тщательно вымарав лишние строчки в заявке – кроме шинелей, унтов и гимнастерок, там нашлось много чего интересного, видимо, командир БАО основательно подходил к перебазировке на новый аэродром, – Овсянников подписал бумагу.

– На, и смотри, чтобы больше... – фраза осталась недосказанной, в кабинет влетел запыхавшийся посыльный.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться.

В ответ Овсянников устало кивнул, что уж там, дескать, говори, раз пришел.

– Дежурный по полку старший лейтенант Ливанов передает: из штаба телефонограмма пришла, требуют сегодня же провести ночной вылет.

– Как вылет?! – командир полка привстал со стула, его лицо моментально побагровело.

– Ознакомительный, товарищ подполковник. – Молодой солдатик из роты аэродромной охраны вытянулся по стойке «смирно».

– Так бы и сказал, иди уж.

Дав понять, что разговор окончен, подполковник закрыл кабинет и поспешил на КП. Благо здесь все было рядом. Прежние хозяева воздушную базу строили по уму, на века. Вот только воевали они из рук вон плохо, немцы захватили все в целости и сохранности, даже склад ГСМ и сейфы с документами никто сжечь не успел. Вещи, за которые бывших хозяев аэродрома, по разумению Овсянникова, следовало отдать под трибунал, если они в плен не успели сдаться.

Командный пункт располагался в каменном здании на краю летного поля, напротив капониров с затянутыми маскировочными сетями бомбардировщиками. От дома, облюбованного Овсянниковым под штаб, идти до КП чуть больше двухсот метров. На улице уже стемнело, подполковник бросил профессиональный взгляд на небо – облака редкие, светит луна, хорошая ночь для полетов. Самое то для ознакомления с районом.

Овсянников сам, еще по пути на новый аэродром, бомбардировал начальство просьбами дать экипажам хоть по паре тренировочных вылетов без бомб. Командование дивизии до этого момента отказывало, ссылаясь на напряженную международную обстановку и секретность. И вот, как всегда не вовремя пробудились. Хорошо, что Овсянников приказал личному составу держать машины готовыми к вылету и никуда не отлучаться с аэродрома.

– Товарищ подполковник, дивизия на проводе, – дежурный офицер поднялся навстречу Ивану Марковичу.

– Давай, – кивнул тот, хватая трубку, – подполковник Овсянников слушает.

– Подполковник, ты жаловался, что летать не дают? – донесся сквозь треск помех голос комдива.

– Было такое, товарищ генерал-майор.

– Допросился, Иван Маркович, начиная с сегодняшней ночи, выводил полк на ночные полеты. Сколько экипажей можешь поднять через два часа?

– Так, – подполковник быстро прикинул в уме, – 24 экипажа будут готовы, и еще машин 15 примерно через пять часов выпущу.

– Действуй, чтоб твои орлы за неделю район освоили, как своих жен и любовниц. – Склонность генерал-майора Семенова к грубоватым шуткам была хорошо известна всей дивизии. Впрочем, на него не обижались. Мужиком Алексей Михайлович был свойским, с пониманием.

Кладя трубку, Овсянников поймал грустный взгляд Владимира Ливанова. Ребятам полеты, а старшему лейтенанту на КП сидеть, се ля ви. Кто ж знал, что дежурство на такой день выпадет. Молодой летчик искренне любил небо и дальнюю авиацию. Интересный человек, душевный и немного загадочный: молчалив, друзей у него, как подметил Овсянников, мало, девушки вроде нет. Как шутили летчики, бомбардировщик заменяет Ливанову жену, дом и постель. С другой стороны, в самоволке ни разу не поймали, что тоже хорошо. И повоевать старший лейтенант успел, опыт есть.

Первым делом командир полка вызвал зампотеха и отправил ординарца в казарму поднимать людей. Метеоролог и штурман полка майор Савинцев явились сами, шестым чувством доперли, что в полку что-то намечается. За ними потянулись остальные. Постепенно КП наполнился авиационным народом.

Овсянников вместе с Савинцевым наметили маршрут. Павел Сергеевич предложил трассу вдоль побережья, всего 700—800 километров круг. Недолго думая, Овсянников согласился с предложением штурмана. Пусть ребята береговую черту запомнят, будет полезно, когда работа начнется. Сам же он считал более важным как следует изучить подходы к аэродрому и вписал в задание полчаса маневрирования над летным полем.

Ночью все ориентиры искажаются, кажется, что время идет медленнее. Пусть люди лучше сейчас тренируются, чтобы потом по ошибке у соседей не садились. Позору не оберешься. Будут говорить, дескать, русские Иваны только по солнцу ориентироваться могут.

Аэродром оживал. Знакомая всем предполетная суматоха. К стоянкам и капонирам подтягивались люди. С бомбардировщиков стягивали маскировочные сети. Техники, мотористы и оружейники проверяли машины, готовили их к срочному вылету.

Самолеты первой эскадрильи стояли с подвешенными бомбами. Овсянников в первый же день после перелета на эту базу распорядился держать машины в полной боеготовности на всякий пожарный. Подполковник еще по опыту финской знал – начальство способно на все, в том числе приказать нанести удар по противнику, скажем, через час. К счастью, предосторожность Овсянникова оказалась излишней, и в этот момент оружейники, дико матерясь, снимали с держателей «сотки» и выкручивали взрыватели.

Плохо, приходится готовить машины в темноте. На дворе август, ночи постепенно становятся все длиннее и длиннее. А прожекторов мало, не успели довести и подключить. С одной стороны, это даже хорошо, полк Овсянникова предназначался для ночных бомбардировок, личный состав еще в Союзе прошел соответствующую подготовку, пусть механики вспоминают, как работать в темноте.

Подполковник бросил настороженный взгляд на ночное небо. Не хватало еще по закону подлости попасть под удар вражеской авиации. В этом мире любая пакость возможна, и чем подлее, тем вероятнее. Координаты аэродрома противнику известны с точностью до метра. Могут и наведаться. Капитальный, хорошо оборудованный аэродром довоенной постройки. Вон, до сих пор на краю поля стоят полдюжины английских «Гладиаторов» и «Фейри», брошенных при отступлении. И уж любому ясно – эта воздушная база недолго пустовала. Не мы б ее заняли, так союзники бы обосновались. В преддверии грядущего сражения авиация спешно перебрасывается на запад.

– Иван Маркович, – к подполковнику приблизился помполит, – напутственное слово перед вылетом дадите?

– Подожди, Дмитрий Сергеевич, вылет учебный. Можно и без твоего благословения. – Чего меньше всего сейчас Овсянникову хотелось, так это тратить время на митинги.

– За границей находимся. Мало ли что может случиться, – уклончиво проговорил старший политрук Абрамов.

– Не нужно, – мягко, но настойчиво процедил командир, – ты лучше к первому боевому речи подготовь. А накручивать людей раньше времени не будем.

Ночь разорвал хлесткий грохот винтовочного выстрела. Затем еще и еще, один за другим. Палили на северо-востоке, за пределами летного поля. Судя по глухому голосу карабина, стрелял один из солдат аэродромной охраны. В ответ ударила короткая злобная очередь из автомата, быстро захлебнувшаяся, заглушенная частым ружейным огнем.

На окраине аэродрома разгорелся нешуточный бой. Штурман полка по привычке засек время первого выстрела. Перестрелка шла уже третью минуту. Наконец, точку в разговоре поставила длинная очередь «дегтяря» с пулеметной вышки. Выстрелы стихли, легкий ночной ветерок доносил только обрывки команд, крики бойцов аэродромной охраны и лай собак.

Овсянников весь бой простоял у ближайшего капонира, напряженно вслушиваясь в доносившиеся до него звуки выстрелов и крики. Пытался сообразить: что там? Английские командос? Парашютисты? Или повстанцы озоруют?

Особист полка капитан Гайда предупреждал – территория только кажется спокойной, возможны провокации со стороны местных активистов Сопротивления. У немцев уже бывали случаи: исчезали солдаты, машины взрывались. Недавно неизвестные напали на санитарный автомобиль. Врачей убили, а машину отогнали в лес и сожгли. Гестапо пока ушами хлопает, мифический «Золотой интернационал» ищут и богатых евреев потрошат. До реальных повстанцев у чернорунников руки не доходят.

Нет, лично подполковник Овсянников ничего не имел против французского Сопротивления. Они, в конце концов, за свою родину сражаются. Дело благородное. И коммунистов среди повстанцев достаточно, что само по себе говорит в поддержку движения. Иван Маркович просто не любил, когда стреляют в его людей, а это, согласитесь, в корне меняет дело.

Минут через пятнадцать после того, как все успокоилось, откуда-то выскочил мрачный, как туча, насупленный особист.

– Что случилось, Михаил Иванович? – окликнул его комполка.

– Экстремисты. – Гайда, в нарушение всякой субординации, злобно сплюнул сквозь зубы. – Пытались через колючку просочиться, да часовой их заметил. Уроды! С собой взрывчатку тащили... – Капитан постепенно успокаивался. Ему нужно было выговориться.

– Англичане?

– Нет, местные. Я же говорю: экстремисты. Хорошо, ребята не растерялись: двоих бандюков на месте положили, одного раненым взяли. Лейтенант Исмаилов рванул в погоню, может, еще кого прихватит.

– А наши? – озабоченно поинтересовался Овсянников.

– Наши целы, – оперуполномоченный особого отдела криво усмехнулся. – Часовой сразу огонь открыл. Надо бы его к награде представить.

– Пиши бумагу, я подмахну, – подполковник одобрительно хлопнул Гайдю по плечу, они были старыми друзьями и могли себе позволить некоторые нарушения субординации, когда никто не видит.

– Хорошо. А сейчас извини, мне бежать надо, пленного допрашивать.

– Давай, трясси его, пока немцы не отняли.

– Пока все не вытрясу, не отдам. А утром с ранья возьму отделение и поеду местного городничего за яйца вешать.

– Добре. – Овсянников вспомнил мэра городка Ла Бурж, прилегавшего к военно-воздушной базе.

Низкорослый, кругленький мужичок с простецкой крестьянской физиономией, этакий колобок с тростью. Приехал на аэродром в первый же день после перелета, знакомиться с офи-

церами полка. Привез с собой бочонок вина, корзинку фруктов. Затем долго и нудно распилился, уверяя в своей любви и безграничной преданности новой власти, косноязычно восхищался Великим Рейхом и Могучим Советским Союзом. Именно так – все с большой буквы.

Подлец! Овсянникову он сразу не понравился, на роже написано, что за копейку родную мать продаст. Наверняка паук знает все, что в городе творится, чем народ дышит. Днем немецкого коменданта обихаживает и облизывает, а по ночам своих башибузуков на большую дорогу выпускает.

Ничего, сколько веревочке ни виться... Михаил Иванович мужик цепкий, и умом его бог не обидел, быстро из жука всю подноготную вытащит. В крайнем случае, так застрашает, что тот в сторону советских солдат и офицеров даже смотреть забоится.

Ночное происшествие нисколько не повлияло на подготовку полка к вылету. В назначенное время первая группа поднялась в воздух. Старшим шел комэск капитан Андрей Иванов. Овсянников наблюдал за взлетом с КП. Машины одна за другой оторвались от полосы, собрались над западной окраиной летного поля и ушли в сторону Бреста. А тем временем наземные специалисты готовили вторую учебную группу. Подполковник в категоричной форме потребовал кровь из носу, но 15 машин во второй волне выпустить.

Глубокой ночью из штаба дивизии позвонил майор Чернов. Извинившись за поздний звонок, Иван Васильевич пообещал вернуться в полк завтра к вечеру и просил включить его в расписание полетов. В ответ на закономерный вопрос Овсянникова заместитель пообещал, что если ничего чрезвычайного не произойдет и погода не подкачает, завтра увидит Остров и передаст пламенный привет империалистам. Союзники обещают на один вылет включить Чернова в экипаж «Хейнкеля».

– Это им за Баку, ублюдкам, – добавил майор.

– Смотри, обратно вернись. ПВО у лимонников сильная. – Овсянников прекрасно понимал своего заместителя. В этом марте жена и обе дочери Чернова погибли во время налета английской авиации на Баку. Шальная бомба с «Бленхейма» попала прямо в летнее кафе с отдыхающими.

– Вот и проверим, так ли они сильны, как хвастают, – не остался в долгу майор.

Что ж, и то хорошо. С заместителем дела быстрее движутся, и всегда есть кому тебя подстраховать. Несмотря на то, что командовать полком Овсянникова назначили всего три месяца назад одновременно с присвоением внеочередного звания в обход Чернова, они быстро сработались. Иван Васильевич не обижался на неожиданно вознесшегося своего бывшего комэска и зампотеха. «Два Ивана», как их в шутку называли сослуживцы, понимали друг друга с полуслова.

Вторая группа ушла ровно в два ночи по Гринвичу. Иван Маркович не удержался и в нарушение всех правил ушел в рейд вместе с ребятами. Ему по-хорошему следовало дожидаться на земле возвращения экипажей Иванова, но не усидел, не выдержала душа летчика. Суеверно перекрестившись и сплюнув через левое плечо, Овсянников оставил за старшего помполита и приказал готовить самолет к вылету. Маршрут он проложил в направлении Голландии, пролет над Брюсселем, выход к морю в районе Гронингена, далее по курсу Западно-Фризские острова и над береговой чертой до директрисы на Ла Бурж.

Полет прошел нормально, без происшествий. Ориентировались по радиомаякам, звездам и характерным особенностям местности. Группу дважды запрашивали немецкие посты ВНОС ПВО, но, получив подтверждение, успокаивались. Овсянникову впервые в жизни удалось увидеть Ла-Манш. Холодный, мрачный, будто залитый чернилами, пролив притягивал и манил к себе. Людей всегда тянет и интригует все связанное со смертью. Иван Маркович представлял себе, что вскоре эта полоса воды принесет немало горя и бед. Спасательная служба у немцев работает из рук вон плохо. А многие вообще сомневаются в существовании таковой.

На аэродром заходили со стороны моря, нашли его легко, штурман быстро сориентировался по огням Ла Буржа и лежавшей чуть дальше деревеньки Балле. Посадка тоже прошла без приключений и поломанных стоек.

На земле Овсянникова встретили Абрамов и капитан Иванов. Доложили, что происшествий за время отсутствия командира не было, новости из штаба тоже не поступали. Первая группа вернулась на аэродром в расчетное время, никто не отбился и не заблудился.

– И то добре, – буркнул подполковник. – Подготовьте список экипажей на следующую ночь. Ведущим первой группы будет Ливанов.

Овсянников не зря назначил молодого старлея лидером. Опыт у Ливанова есть, командиром звена не зря поставили. Весной этого года работал в Закавказье по вражеским аэродромам и транспортным узлам. Экипаж у него слетанный и обстрелянный, у стрелка-радиста на счету «Гладиатор» из состава английского оккупационного корпуса в Персии. А то, что Ливанов не отличается общительностью, это только в плюс молодому человеку, если и говорит, так строго по делу, без пустопорожней болтовни.

Глава 2

Странное время

На рассвете всегда бывает немного грустно. Наверное, это накопившаяся за бессонную ночь усталость дает о себе знать. Да еще туман сгущается, незаметно затягивает низины, перекрывает непроницаемой белесой пеленой дорогу в город. Небольшая деревенька в паре километров от аэродрома уже почти утонула в белом молоке, только флюгера и крыша церкви светятся под первыми лучиками солнца.

Раннее утро. Ночные полеты завершены. Самолеты счастливых, которым сегодня довелось подняться в воздух, ровными рядами стоят на краю летного поля. Их даже в капониры оттащить не успели. Людей на аэродроме не видно: все давно спят. Не везет только дежурному офицеру, паре солдат из БАО, вынужденных коротать время на КП, да еще ребятам из роты аэродромной охраны.

Скучно и грустно в конце ночной смены. Даже восход солнца не доставляет особой радости. Ну, поднялось, ну, светает, и то добре. Громко зевнув во весь рот, Владимир Ливанов потянулся, залпом допил холодный кофе из железной кружки и протянул руку к чернильнице. Пора бы закрывать смену.

Старший лейтенант обмакнул перо в чернила и хотел было расписаться в журнале дежурства, но в последний момент остановился. Спешка, говорят, хороша при ловле блох. Неприятности всегда происходят, когда их меньше всего ждешь. Вот как вчерашняя вылазка экстремистов. Нового нападения на аэродром Владимир не боялся. Если кто и попытается взломать периметр, так это будет не кадровая часть, не парашютисты, а местные повстанцы. Гражданские с пистолетами и обрезам, как вчерашние бандиты. Другое дело, происшествие надо будет зарегистрировать в журнале, и обязательно до закрытия дежурства. У нас с этим делом строго.

Вчера Ливанов случайно подслушал разговор особиста с помполитом. Обсуждали, как лучше будет на утреннем построении народ просвещать на предмет вчерашней перестрелки. По долетавшим до Владимира коротким, наполовину матерным фразам капитана Гайды он понял, что в налете участвовали штатские, горожане из Ла Буржа, местные подпольщики Сопротивления. Наши пристрелили пару полудурков, да еще двоих повязали. Интересное дело – вроде с французами не воюем, а они нас взорвать пытались. Такая вот гадость получается. Что дальше будет? Непонятно.

Как Владимир и предполагал, не стоило раньше времени закрывать смену. Не дали ему спокойно подремать на заре. Ничего чрезвычайного, никаких тревог или происшествий. Всё проще и неприятнее – на КП ни свет ни заря появился помполит собственной персоной. Не спалось ему, видимо.

Старший политрук Абрамов, с одной стороны, мужик нормальный, с пониманием, не выеживается перед подчиненными, с другой же стороны – слишком он серьезно к своей работе относится. Не умеет Дмитрий Сергеевич вести политическое воспитание, подготовку личного состава и тому подобное словоблудие спокойно, без излишнего рвения. Любит он отыскать к каждому человеку подход, залезть в душу.

А Ливанов такие вещи не выносил. Всё, что от меня требуется, выполняю, службу несу, если что и нарушаю, так незаметно, а чтоб наизнанку перед помполитом или еще кем выворачиваться... Увольте. Не ваше дело. Моя душа – огороженная территория, частная собственность с пулеметными вышками над колючкой.

Войдя в комнату дежурного, Абрамов вежливо поздоровался, махнул рукой вытянувшимся солдатам, дескать, без формальностей, и плюхнулся на свободный стул.

– Не спится, товарищ майор? – участливо поинтересовался Ливанов. Старлей пятой точкой чувствовал, что вежливыми фразами сегодня не обойтись, в такое время просто так по аэродрому не бродят.

– Уснешь тут, обложили со всех сторон. Не продохнуть.

Ливанов неопределенно кашлянул в ответ и отвернулся к окну. На разговор он не напрашивался, спокойно выжидал, когда помполит начнет первым. Абрамов же выдерживал паузу, разглядывая висевший на стене график учебных полетов. От политрука тянуло терпким запахом хорошего табака, поэтому самому хотелось курить. Интересно, угостит или нет? Нет, надежды на комиссарский табачок оказались тщетными, а самому лезть за папиросами на дежурстве без разрешения старшего по званию не хотелось.

– Владимир Александрович, что вы думаете о вчерашнем происшествии? – неожиданно поинтересовался Абрамов. Что называется, не в бровь, а в глаз. Прямо и без хождений вокруг да около.

– А что тут думать? – выдал Ливанов. – Нарушение режима охраняемой территории, вооруженное нападение на часового. ЧП, естественно.

– Да понимаю я все. А если не по-книжному? Мне действительно непонятно, что это было: ЧП или нет? Нападение или наоборот? Есть в этом деле и другая правда.

«Интересно тебе, – мелькнуло в голове Владимира Ливанова. – Навязался по мою душу. И не пошлешь – майор ведь, черт побери!»

Солдаты тем временем бочком протиснулись к двери. Старший наряда, парень с простецкой, рябой крестьянской физиономией, бросил на дежурного офицера умоляющий взгляд и кивнул в сторону окна.

– Разрешаю идти. Проверьте летное поле, – Ливанов брякнул первое, что пришло в голову. Пусть валят, если не хотят получить внеочередную политинформацию. Свидетели, они всегда лишние.

– Борцы за независимость, Соппротивление, – гнул свою линию Абрамов. Политрук даже не обратил внимания на закрывшуюся за бойцами дверь, или сделал вид, что не заметил. Человек он умный, знает, когда и что можно замечать, а что нежелательно. – Они не сознательно против Советской рабоче-крестьянской армии выступают, не понимают, что мы не против Франции, а против Англии воюем. И даже не против самой Англии, а с мировым империализмом.

– Это уж особисту решать, сознательно или нет, – усмехнулся Ливанов. Про себя он отметил, что помполит несколько ошибается: в ударе по Баку принимали участие не только английские, но и французские ВВС. И наши в ответ хорошенько авиабазы галлов в Сирии пробомбили. Ливанов помнил запах сгоревшей взрывчатки, смешанный с терпким ароматом пыли над сирийскими аэродромами. Помнил, как плотный строй прущих правым плечом краснорубашечных бомбардировщиков отбивался от французских истребителей. Тогда нам везло, потерь почти не было, бригада только два экипажа потеряла, и то от зенитного огня.

Вслух же произнес:

– Мы находимся на своем боевом посту, выполняем приказ Советского правительства и партии, что бы об этом ни думали какие-то партизаны. Империалисты первыми напали на Союз, и наша задача – вернуть долг старицей, пусть не воображают, будто мы не способны противостоять эксплуататорам.

– Эксплуататорам? – Абрамов потер подбородок и поскреб пятерней щетину на щеке. – Один из пленных – рабочий мануфактуры, второй – инженер-путеец. Какие они эксплуататоры?! Такие же пролетарии, как мы. Только классовое чутье не пробудилось. Как думаете? – казалось, помполит разговаривает сам с собой, размышляет вслух.

– Война. Люди заагитированы империалистической пропагандой. Не понимают ничего, под собственным носом врага не видят. А что они, собственно, понимают? Им же с детства

талдычили: будь ловчее, старайся устроиться в жизни. Пару дел провернешь, глядишь, и сам разбогатеешь. На тебя другие горбатиться будут.

– А что по этому поводу говорил товарищ Сталин? – поинтересовался Ливанов, ему уже начали надоедать словоизлияния помполита.

– А ведь мы деремся не против, а вместе с нацистами. – Абрамов пропустил мимо ушей намек Владимира. – Как такое может быть? Что думаете, товарищ военлет?

– Враг моего врага...

– Мой союзник, но никак не друг, – Дмитрий Сергеевич поднял указующий перст и торжествующим тоном продолжил: – Надо различать временные союзы и постоянные интересы трудового народа. Мы можем заключать договора с империалистами, мы можем разговаривать с эксплуататорами, но при этом неусыпно следить за соблюдением наших интересов и крепить наши рубежи. Именно так и сказал товарищ Сталин в последней статье. Свежую «Правду» только вчера вечером привезли, после дежурства почитаете.

– А что пишут о встрече Молотова и Риббентропа в Берлине? – Ливанов незаметно для себя втянулся в разговор.

– Подписывается новое торговое соглашение. СССР берет у Гитлера крупный кредит на покупку станков, машин и промышленного оборудования. Есть пункты лично нас касающиеся. – Абрамов имел в виду размещенную в Нормандии дивизию ДБА (дальнебомбардировочная авиация).

– Будем вместе с немцами воевать?

– Не вместе с немцами, а против английских империалистов, запомните, старший лейтенант.

– Есть, товарищ старший политрук.

– Я вот что думаю, – помполит неожиданно сменил тему разговора. – Владимир Александрович, человек вы грамотный, газеты читаете, в текущем моменте разбираетесь. Товарищи о вас хорошо отзываются, прислушиваются, – при этих словах Абрамова Ливанов внутренне напрягся. – Не хотите попробовать себя на поприще воспитательно-патриотической деятельности?

– Дмитрий Сергеевич, товарищ старший политрук, я же обычный летчик. Боюсь, не справлюсь. Да и... – Ливанов глубоко вздохнул, – не умею я красиво говорить. Машину сквозь грозу вести – это одно, а, как вы, к каждому человеку подход находите, это особое умение надобно. Нет, не умею я так, не получится, таланта нет.

– А нам не надо красиво. И без тебя болтунов хватает. Нам, наоборот, надо просто и доходчиво.

– Не справлюсь я. – В глазах Ливанова вспыхнул холодный огонек. Переходить на партработу он не собирался, да и в партии пока не состоял. – Если опозорюсь, разве это хорошо будет?

– А ты подумай, – Абрамов поднялся на ноги и шагнул к двери, – время есть, да только потом поздно будет, – с этой двусмысленной фразой помполит покинул КП.

После ухода Абрамова Владимир еще долго сидел, подперев голову кулаком и уставившись в одну точку. Станный разговор. Трудно понять, к чему все это и как дальше быть. Ничего он не надумал, только впал в какое-то странное полузабытье.

* * *

...Над домами и улицами плывет дурманивший, кружащий голову запах цветущей черемухи. Тишина. Солнце закатилось, над горизонтом горит закат. На улице прохладно, тянет сырой ветерок. Володя вспомнил, как бабушка говаривала, – дескать, черемуха и сирень всегда цветут к похолоданию.

Как бы там ни было, а все одно, скоро лето. От этих мыслей, а еще больше от взглядов, бросаемых на сидящую рядом на скамейке Настюшу, грудь распирало. И никакое похолодание не помеха. Кровь-то кипит. Мысли только о будущем и только приятные. Впереди столько перспектив! Заканчивается школа, скоро выпускные экзамены. Получить аттестат, и всё – здравствуй, взрослая жизнь. Право, даже смешно становится немного. Как будто корочка человека изменит. Глупости. Человека жизнь меняет, а не аттестат.

Одноклассники частенько после уроков обсуждают, кто куда пойдет, что после школы делать будет. Гадают, спорят до хрипоты, что лучше. А зачем спорить?! Володя этого не понимал. Все само решится, каждый сам за себя выбирает. Митька Маслов в Москву собирается, он почти отличник, будет в институт поступать. Лена Тарасова, наверное, сразу после выпускного уедет в Минск к дяде. Родня ее звала, говорили, будто там жить лучше, колхозные рынки богаче и жалованье больше платят. Смешно, зачем ехать, если и у нас скоро так же, а то и лучше будет? Директор школы говорил – наш народ с каждым годом все лучше и лучше жить будет. У буржуев кризис, а у нас, наоборот, индустриализация.

Школьный дружок Васька никуда не поедет. Ему не до учебы, семью вытягивать надо. Трое младших по лавкам сидят, отца арестовали год назад. Поговаривают, ревизия у него в магазине много чего интересного нашла, а что надо, наоборот, не нашла, хоть на бумаге и числилось. Придется Володькиному корешу сразу после школы на фабрику идти, рабочие университеты, как Максим Горький, оканчивать. Он и так вечерами в слесарной мастерской подрабатывал, да все одно – денег не хватает. У мамы жалованье небольшое. Младших поднимать надо. Жаль, друзья собирались вместе в Оренбург ехать, да не срослось.

Для себя Володя давно уже все решил. Письмо он отправил, ответ из училища пришел. В аэроклубе рекомендацию дают, Петр Сергеевич обещал все бумаги честь по чести выправить. Все давно готово. Все тыщу раз обговорено. Решение принято. Батяка даже обещал сто рублей дать на дорогу и обустройство. Говорит: если в люди выйдешь, не забывай нас, приезжай хоть раз в год. А если не получится, не переживай, возвращайся домой. У нас при советской власти без куска хлеба не останешься. Угол и место за столом всегда найдутся...

В воздухе растекается аромат черемухи. Скамеечка прямо под деревом стоит, в тени у забора. На улице тихо, только с дальнего конца доносится мычание коровы, да изредка с перекрестка слышится дребезжание трамвая. Темнеет. Володя и Настя Соколова сидят на лавочке, прижавшись друг к другу. Ребята молчат. Слова давно уже не нужны. Все понятно и так. Почувствовав, что Настя ежится от холода, Володя снимает куртку и набрасывает девушке на плечи.

– Спасибо, – нежно проворковала в ответ, – а ты сам-то как? Не задрогнешь?

– Мне-то тепло. Не холодно, совсем не холодно, ни капельки, – при этих словах молодой человек распрямляет грудь и потягивается, всем своим видом демонстрируя, что ему жарко, а мурашки на руках – это так, кровь застоялась.

– Смотри, вон там Сириус!

– Где?

– Видишь, вон там. Чуть левее колокольни. Яркая такая, чуть голубоватая, – паренек вытянул руку в сторону звезды.

– Это та, что Павел Сергеич рассказывал? – Настя вспомнила учителя физики, проводившего со школярами ликбез по астрономии.

– А ты не помнишь?

– Да мне тогда не до звезд было, – девушка лукаво стрельнула глазками, – я больше на тебя смотрела. Такой серьезный и красивый мальчик.

– А я и не... – Володя смущенно кашлянул.

Он в то время на девчонок не заглядывался. Не до того было. Казалось, вокруг столько всего нового, интересного, везде надо успеть. Какие уж там девчонки!

– Я первая стеснялась подойти, ждала, когда заметишь. Вот Васька – он другой, простой, понятный. Помнишь, как за Аленкой ухаживал?

– Помню! – бухнул во все горло Володя. Девушка ему вторила звонким, будто колокольчик, залихватистым смехом.

В седьмом классе это было. Нежданно-негаданно втюрившийся по уши в девчонку из параллельного класса Вася Наговицын все никак не мог найти к Аленке подход. Она всегда была такой гордой, недоступной, чуточку заносчивой. Обычные мальчишеские ухаживания, например, соседа на глазах девочки поколотить, портфель ее до дома донести, букет нарвать – казались Васе обыденными и недостойными предмета его воздыханий. Хотелось поразить красавицу чем-то необычным, выделиться, да так, чтоб ее сердце сразу растаяло.

Целую неделю Вася ходил, как в воду опущенный, мрачный, задумчивый, вечно нечесанный. Одноклассники гадали, что это с Наговицыным случилось, не заболел ли? Наконец у парня в голове созрел план. К сожалению, не вовремя и не к месту, но это только потом стало понятно. Первоначально план казался понятным и гениальным до безобразия.

Алена Фролова жила на четвертом этаже, и как раз под ее окнами росла старая ветвистая береза. Замысел заключался в том, чтобы нарвать букет и, поднявшись по дереву, положить цветы на подоконник комнаты предмета вожделений. Поделившись задумкой с Володей, Василий рвался немедленно бежать, воплощать идею в жизнь. «Если партия Днепрогэс строит, то чем я хуже?» – заявил он слегка опешившему корешу. Делать нечего, нельзя товарища в беде бросать. Пришлось отвлечься от возни с пойманным накануне ужом и идти подстраховывать приятеля.

Дело было летом. Каникулы. День будний, до обеда далеко. Все взрослые на работе. На беду посоветоваться не с кем, да и не стали бы мальчишки посвящать в свои планы старших – сами с усами. Сказано – сделано. Цветы ребята благополучно нарвали в городском парке. Обошлось без приключений. Никто и не обратил внимания на двух пионеров, воровато оглядывавшихся, обрывая клумбу перед бюстом Ленина.

Правда, у ворот ребятам встретился дядя Степа, при полном параде, в новенькой, отутюженной энкавэдэшной форме прогуливавшийся под ручку с учительницей русского языка Катериной Митрофановной.

– Куда собрались, шкеты? – первым поприветствовал ребят энкавэдэшник.

– Здравсь, – машинально кивнул Володя.

– Здравствуйте, Катерина Митрофановна, мы тут гербарий собираем, – нашелся Вася, при этом букет он прятал за спину.

– Гербарий?! – хохотнул дядя Степа, по-другому Степан Анатольевич. – Смотрите из-за зазнобы не передеритесь.

Настроение у него было хорошим. Наверное, погода способствовала, а скорее всего, пальчики молодой незамужней учительницы на его предплечье.

Бочком протиснувшись в калитку, ребята со всех ног припустили по тротуару. Вот и знакомый дом. Вот и береза. К счастью, на скамейке у парадной никого не было. Марья Михайловна, пожилая соседка Фроловых, вечно досаждавшая мальчишкам своим ворчаньем и нотациями, только что скрылась за углом, в булочную собралась. Дворника и других посторонних в пределах видимости не наблюдалось.

С первой проблемой – как получше удержать букет, пока Вася будет взбираться по дереву – справились шутя. Найденным в кармане у Володи куском бечевки цветы перевязали и укрепили на плече Васи. Со второй проблемой, как добраться до нижних веток, пришлось повозиться. Оглядевшись по сторонам, ребята подтащили к дереву скамейку и взгромоздили на нее найденную во дворе старую бочку.

Получилось достаточно надежно. Во всяком случае, сооружение не развалилось под ногами древолаза, пока тот подбирался к нижней ветке. Подтянувшись, Вася взобрался на тол-

стую ветвь, отходящую от ствола почти под прямым углом. Дальше пошло как по маслу. Паренек быстро поднялся по стволу на уровень четвертого этажа. И букет умудрился не потрепать. Осталось проползти по ветке до стены и положить цветы на подоконник.

Володя, отступив к тротуару, с тревогой в глазах наблюдал за товарищем. Вот Васька стоит, прижавшись к стволу. Дерево покачивается, макушка гнется. Видно, что товарищу приходится прилагать немало сил, чтобы удержаться.

– Вот сорванец! – Володя непроизвольно дернулся от прозвучавшего прямо над ухом возгласа.

Он и не заметил подошедшего со спины дворника. Впрочем, Митрич и не спешил поднимать шум, уперев руки в боки, он стоял и глазел на забравшегося на дерево пионера.

Вася тем временем присел и, вцепившись руками в ветку, пополз по ней. До стены он добрался благополучно, несмотря на цеплявшиеся за одежду сучья и мешавшие двигаться ветки. Но когда Вася почти добрался до цели, возникла одна непредвиденная сложность. Под тяжестью паренька ветка прогнулась, и теперь он оказался значительно ниже вожаемой цели. Первым это заметил Володя, Вася, видимо, пока еще ничего не понял, он продолжал упрямо ползти вперед.

– Ветка! – несмело крикнул Володя, опасаясь напугать товарища резким окликом.

– Он не слышит, – глубокомысленно заявил Митрич. Неожиданно лицо дворника переменялось. Подпрыгнув, он бросился к дереву, на ходу вытаскивая из кармана свисток.

– А ну, слазь! Слазь, кому гряд! – только сейчас до дворника дошло, что на его глазах творится какое-то непотребство, или того хуже, хулиганство.

– Живо вниз! Слазь, сорванец!

Наконец до Васи дошло, что что-то идет не так. Приподняв голову, он попытался оглядеться по сторонам. Мешали листья и ветки. Перед глазами стояла только желтая кирпичная стена и виднелся нависающий над головой карниз. Ошеломленный неожиданно возникшим препятствием, Вася не нашел ничего лучшего, как попытаться приподняться на качающейся и готовой выскользнуть из-под ног ветке. При этом он снял с плеча букет.

Володя начал догадываться, что задумал его дружок. От одной этой мысли в груди похолодело. Неужто решил прыгнуть?!

– Дядя Митрич, не кричите. Он сам спустится и все объяснит.

– Я те дам! Ишь, заступник нашелся! Кому говорят, живо вниз! – похоже, дворник вознамерился лезть на дерево за озорником.

Вася размахнулся и ловко закинул букет на подоконник. Затем он опустился на корточки и пополз спиной вперед к стволу. Тем временем внизу, у парадной, собралась толпа. Прохожие останавливались, привлеченные свистом дворника, и пытались выяснить – в честь чего такой шум? Сам Митрич, сообразив, что история вполне может выйти ему боком, колотил черенком метлы по стволу и ругался на чем свет стоит.

– Что здесь происходит?! – прогремел голос дяди Степы.

Энкавэдэшник, видимо, прогуливался мимо со своей зазубой и решил разобраться в ситуации. Трагическая развязка истории неминуемо приближалась. Володя счел за благо нырнуть за спины столпившихся прохожих. Бросить товарища в беде ему не позволяла совесть, но и светиться на первых ролях не хотелось.

Митрич, вытащив свисток изо рта, подскочил к Степану Анатольевичу и, поедая того подобострастным взором, принялся сбивчиво тараторить. Из его объяснений выходило, что именно он лично преследовал хулигана, загнал его на дерево и сейчас пытается заставить сдаться на милость социалистической законности.

– Посмотрим, что это за хулиган, – хмыкнул дядя Степа, – и что это он на подоконник закинул.

– Мы же видели их в парке, – вмешалась Катерина Митрофановна. – Владимир, и ты здесь?

Володе осталось только покраснеть и рассказать дяде Степе всю правду, начиная с парка и заканчивая букетом на подоконнике.

– Молодцы, пионеры, – расхохотался энкавэдэшник, ловко перехватывая руку Митрича, потянувшегося было ухватить Володю за плечо. – Не лезь. Сами разберемся.

Вася в это время медленно спускался на землю. Добравшись до нижней ветки, он разжал руки. Приземлившись на четвереньки, Вася хотел было пуститься наутек, еще по дороге вниз он догадался, что встреча окажется слишком горячей, но был вовремя схвачен бдительным дворником. И только вмешательство взрослых спасло школяра от неприятностей.

В итоге все обошлось. Практически без последствий, если не считать распухшего уха Васи после разговора с отцом. Алена же после этой истории вообще наотрез отказалась даже разговаривать со злосчастным воздыхателем.

– Дурак! – бросила она, задрав носик, когда ребята «как бы случайно» встретили ее на улице.

Глава 3

Время моторов

Казалось, только вчера перелетели в Нормандию, только вчера разместились на аэродроме, освоиться еще не успели. Часть наземных служб застряла где-то между Варшавой и Брюсселем. Кругом дела, заботы, Овсянников и не заметил, как пронеслась целая неделя, и сегодня первый боевой вылет. Ждали его долго и, как несложно понять, отнюдь не с радостью. Иван Маркович за свою жизнь научился отличать искренние чувства от «как положено».

Получив приказ и расписание операции, комполка испытывал смешанные чувства, от облегчения до полудетской обиды. Сколько готовились к ночным полетам! Осваивали район. За выделенные командованием три ночи все экипажи не менее двух раз совершили ночной полет над прибрежной зоной. И вот тебе! Все коту под хвост.

Операция началась с помпой, чего Овсянников, понятное дело, не любил. Рано утром 14 августа на аэродром Ла Бурж прилетел комдив генерал-майор Семенов собственной персоной и лично зачитал приказ: завтра, 15 августа, нанести удар силами 18 экипажей по военным заводам Бирмингема. Вылет в 9:15 по Гринвичу. И в этот же день две эскадрильи направляются на бомбардировку портовых сооружений Эдинбурга. И опять вылет днем одновременно с первой группой. Удар по цели в светлое время суток.

– Товарищ генерал-майор, – не выдержал Овсянников, – мы же ночные бомбардировщики. Сами прекрасно знаете, какие потери немцы несут днем.

– Да, ночные. Точнее говоря, прошли подготовку, – грубо оборвал его комдив. – Думаете, штаб просто так штаны протирает? Да, ночью безопаснее. Но сами знаете – ночью результативность бомбардировки ниже, и значительно. Наша дивизия получила приказ: одним ударом разрушить завод и порт. Значит, мы должны лететь днем, когда цель видна. Верно я говорю? – комдив обвел взглядом каре летчиков, штурманов, стрелков, техников, мотористов и оружейников.

Стоявший на шаг позади Семенова Овсянников напряженно перебежал взглядом с одного лица на другое. Кто из ребят осмелится возразить комдиву? Молчат. Майор Чернов дернулся было, уже рот раскрыл, но осекся, опустил глаза под пристальным взглядом Семенова. Духу не хватило.

– Товарищ генерал-майор, разрешите, – над притихшим каре неестественно громко и в то же время буднично прозвучал голос старшего лейтенанта Ливанова.

– Говорите, – коротко бросил комдив, даже не удосужившись взглянуть в сторону летчика.

– Наш ДБ-3 плохо маневрирует с полной нагрузкой. Если резко заложить крутой вираж, уклоняясь от истребителя, машина может свалиться в штопор. – Говорил Владимир Ливанов медленно, неторопливо, инстинктивно выбрав нужный тон. – Как показал опыт немцев, у англичан хорошая ПВО, развитая сеть постов ВНОС, система радиометрического оповещения на побережье и все объекты прикрываются истребителями.

– Стрелять надо лучше! – генерал насупил брови, метнув на смельчака испепеляющий взгляд. – У наших ШКАСов скорострельность выше, чем у немцев и англичан.

– Можно снабдить лучшие экипажи осветителями цели, – казалось, старлей даже не обратил внимания на начальственный рык, – тогда остальные отбомбятся при свете САБов (осветительная авиационная бомба). Все видно, цель не перепутаем, и попаданий будет больше. После первых пожаров работать станет проще. На земле все освещено, а зенитчикам огонь помешает.

– Точно по наставлению, – Алексей Михайлович задумчиво потер подбородок, – а в предложении старшего лейтенанта смысл есть. Молодец, голова варит.

– Ливанов, – шепотом подсказал комдиву Овсянников. За время своей недолгой службы в полку он успел как следует изучить Семенова. Знал, что тот напрочь лишен зависти, наоборот, берет на заметку и при возможности продвигает решительных, неординарно мыслящих и смелых командиров. Алексей Михайлович сам был из таких.

Единственное – комдив любил риск и слишком часто играл на грани фола. Не любил он и слишком строптивых или чересчур осторожных командиров. Пока это ему сходило с рук, ни одного серьезного пятна в личном деле.

Комдив вообще считался счастливчиком, но все это, как полагал Овсянников, до поры до времени. Сам Иван Маркович предпочитал без особой нужды головой в петлю не лезть, по возможности не рисковать и подстраховываться, если получалось. Может быть, именно по этой причине в чинах и должностях он не преуспел. Только после финской принял полк вместо ушедшего с повышением предшественника и подполковником стал за месяц до перелета в Нормандию.

– Я думаю, в последующих налетах мы будем применять предложенный старшим лейтенантом Ливановым нехитрый тактический прием, – продолжил Семенов. – Да, мы будем летать ночью. Будем летать на рассвете и на закате. Если понадобится, будем прорываться к цели сквозь облачность и непогоду. Будем работать и днем. Британские империалисты думали, что их выходы с налетами на нашу территорию останутся безнаказанными! Черт знает, на что они надеялись, но они жестоко ошиблись! Мы пришли сюда, на передовые базы, и мы вернем империалистам должок сторицей! Покажем, что чувствовали простые советские граждане, когда на них падали бомбы. Покажем так, чтобы они сами почувствовали на своей шкуре и чтоб они на небо смотреть боялись.

Первый боевой вылет, первый удар по логову империализма пройдет по намеченному плану. Бомбим заводы и порт. Время вылета переносить запрещаю, – это уже касалось Овсянникова, – по поводу истребителей прошу не беспокоиться, но и не зевать. У лимонников и без нас забот будет полон рот, а также другие отверстия.

Грубоватая шутка комдива была встречена сдержанными смешками. На этой оптимистической ноте разговор завершился. Кивком головы разрешив Овсянникову скомандовать «Разойтись!», Семенов пригласил старших командиров полка на КП. Именно там, за закрытой дверью, генерал-майор и ввел их в курс операции «День орла».

Беспокоившая Овсянникова ночью облачность рано утром рассеялась. Взлет прошел без происшествий. Обе группы поднялись в воздух и, построившись правым пеленгом, пошли в сторону пролива. Медленный набор высоты. Рев двигателей. Убегающие под крыло реки, дороги, деревеньки и перелески. Когда стрелка высотометра достигла отметки 5000, впереди, на горизонте, блеснула серая полоска моря.

Группа капитана Иванова сразу же отвалила вправо. Им придется идти к цели над Северным морем, по счислению. Таким образом снижается риск обнаружения группы на маршруте и, соответственно, опасность напороться на вражеские истребители. Свой эскорт истребителей для удара по Эдинбургу не полагался. Разумеется, бомбардировщики могли быть обнаружены с какого-либо судна, но тут же ничего не поделаешь. В этом случае придется прорываться к цели с боем.

Сам Овсянников вел свою группу на запад. Переть напрямик через Лондон, сквозь ПВО британской столицы он не собирался. Слава богу, прокладка маршрута была в ведении полкового командования. Правда, пришлось передать реперные точки и расчетное время их прохождения по телефону в штаб дивизии. Командование обещало обеспечить истребительное прикрытие, требовалось согласовать район встречи с «Мессершмиттами».

– Командир, гляди: чуть ниже слева, – звучит в наушниках голос стрелка-радиста.

Действительно, на пересечку с ДБ-3 идет целая воздушная армада, не менее четырех десятков бомбардировщиков.

– «Ю-88», и пока без прикрытия, – Савинцев с ходу определил тип самолетов. – Неплохая машина ближнего действия. Почти как СБ, – вовремя добавил штурман. Иван Маркович представил, как Савинцев возносит очи горе и про себя матерится, дескать, ляпнул лишнего, хорошо замполит не слышит, а то устроил бы выволочку за «подрыв морального духа».

– А вот и истребители! – кричит радист. Положительно, лейтенант Карпов сегодня в ударе, первым замечает всех посторонних.

– Наши? – подполковник имел в виду обещанный эскорт.

– Нет, одномоторные «Эмили». Он же «сто девятый», тип «Е», – важно заявляет Карпов. У лейтенанта первый боевой вылет, вот и демонстрирует свою осведомленность, пытается доказать, что не зря его в рейд взяли.

– Рано еще, – успокаивает штурман, – рандеву над Шербуром. Они еще спят, наверное.

– Усилить осмотрительность, – бурчит летчик. – Не зевать.

Риск напороться на англичан минимален, не полезут они сегодня в чужое небо, свое бы защитить, но чем черт не шутит. Пусть лучше люди по сторонам смотрят, а не ляды точат. А в небе тем временем становится слишком оживленно, примерно как в центре Москвы в выходной день. С момента вылета группе встретилось не менее полудюжины немецких соединений, каждое по 2—3 эскадрильи бомбардировщиков. Пару раз советских бомбардировщиков обгоняли звенья и эскадрильи стремительных, со стройными обводами истребителей, с легкой руки наших летчиков получивших прозвище «худые».

– Силища прет, – уважительно протянул Савинцев.

– Так империалисты не только нас довели, на них уже вся Европа зуб имеет, – подхватил Дмитрий Карпов.

При этих словах Овсянников криво усмехнулся – опять Карпова понесло. Любит он о смысле бытия порассуждать, с такими талантами ему в замполиты идти, а не в стрелковой башне куковать. Идеалист до мозга костей. Во всем находит скрытый смысл, и как всегда положительный. Привык драться только за правду и всеобщее счастье. На меньшее лейтенант Карпов не согласен. Не понимает и не хочет понять, что есть просто интересы страны и просто защита своих рубежей без всяких там сантиментов.

На кромке горизонта опять появилась растущая на глазах светлая полоска берега. Бомбардировщики прошли над заливом Сены, впереди лежал полуостров Котантен, поворотная точка маршрута. Именно над полуостровом в районе Шербура к ударной группе должны присоединиться истребители сопровождения. Это если ничего не случится и никто ничего не напутал.

– Позывной в эфир. Лейтенант Карпов, передайте кодовый сигнал. Пора напомнить нашему сопровождению: время выходит.

– А если опоздают? Где будем ждать? – поинтересовался штурман.

– Над мысом Ар. Сам же маршрут намечал.

Впрочем, ждать-дождаться, кружа над выдающимся в пролив мысом, не пришлось. Через десять минут стрелок-радист доложил о приближающихся с юга двухмоторных самолетах. Иван Маркович обернулся через правое плечо – точно, идут. Характерный силуэт тяжелых двухмоторных охотников «Ме-110» трудно с кем-то спутать.

Наши, Овсянников почувствовал это спинным мозгом, еще до того как Карпов доложил о принятой радиопередаче от командира эскортных звеньев. Восемь машин, как штаб и обещал. Говорят, самолет слишком тяжелый для маневренного боя, но зато радиус действия позволяет сопровождать бомбардировщики до Бирмингема и обратно. Как раз то, что надо.

Вскоре истребители поравнялись с идущими правым пеленгом «ДБ-3». Овсянников махнул рукой, привлекая внимание пристроившегося рядом с бомбардировщиком немца, поднял большой палец и выбросил сжатый кулак вперед. В ответ немецкий летчик добродушно оскалится до ушей и поднял ладонь с раскрытой пятерней. Все понятно без слов.

– Товарищ подполковник, нам желают удачной охоты, – доложил Карпов. Как все радисты в полку, он владел немецким. – Я ему передал благодарность за своевременный выход в район встречи.

– Подходим к точке поворота, – напомнил о себе штурман.

Шербур они уже миновали. Позади остались светло-серые полосы пирсов, серые силуэты судов и раскинувшаяся на берегу паутина городских кварталов. Самолет уверенно ползет над береговой линией. Погода хорошая. Видимость: миллион на миллион. Даже не верится, что в такой солнечный день уже льется кровь, небо перечеркивают очереди трассеров, а над землей расплываются черные кляксы взрывов.

Вдоль берега идет транспорт в сопровождении катеров. С высоты в шесть километров судно кажется серым жуком, ползущим по темно-синей скатерти моря. Эскортные катера, они кажутся не крупнее блох, держатся мористее, прикрывают подопечного от возможной атаки. Три тральщика идут в авангарде. А в остальном море пустынно. Рыбачьих лодок не видать.

Подполковник Овсянников успел до перелета в Нормандию найти и прочесть старый дореволюционный путеводитель по Франции. В книге, старой, с ятями, говорилось об удивительном зрелище – сотнях и тысячах рыбацких суденышек, каждое утро на рассвете выходящих на лов и возвращающихся в порты перед закатом.

Забитые серебром свежевыловленной рыбы трюмы, рыбаки, волокущие огромные плетеные корзины с уловом. Непередаваемая атмосфера пристаней и торговых рядов с дарами Нептуна. Шум, суeta, расхваливающие свои товар рыбаки, придиричливо ковыряющиеся в корзинах с живой рыбой домохозяйки. Легкий бриз, насыщенный запахами водорослей, смолы и приправленный ароматом соляных чанов.

Это все было до войны. Промысел давал людям работу, средства к существованию и смысл жизни. Сейчас все изменилось, немцы запрещают выходить в море без специального разрешения. Опасаются, кабы кто к англичанам не рванул, или, наоборот, бдят, чтобы под видом возвращающихся с промысла флотилий не выплеснулся на берег вражеский десант. Это все просто и понятно, да только людям не объяснишь. Приходится им без дела на берегу сидеть. Хорошо, если война в ближайшие месяцы закончится, а если нет?

Вот и точка поворота, маяк на мысу. Теперь прямо на север. Овсянников еще раз огляделся по сторонам, задержал взгляд на тяжелых тушах бомбардировщиков. Идут ровно, четко держат строй. А как будет в бою? За командиров звеньев подполковник спокоен – летчики опытные, успели повоевать, кто на финской, а кто и в персидской операции.

Хуже с ведомыми, до первого боя не поймешь, струхнут или нет. Если строй рассыплется, пиши пропало. Одиночек лимонники посбивают, как ворон, и истребительное сопровождение не поможет. Да и пользы от восьмерки «сто десятых»! Только часть перехватчиков боем связать. В серьезном бою их съедят и не поперхнутся.

Подтвержденный кровью закон – только плотный строй бомбардировщиков, только согласованный огонь десятков пулеметов позволяет отразить атаку. Даже «Хейнкель» с его пушечной башней и полудюжиной пулеметов почти не имеет шансов против звена «Харикейнов». Что уж говорить о наших ШКАСах! Несмотря на заверения командования и убежденность самолетостроителей в уникальных характеристиках сверхскорострельных ШКАС, Овсянников предпочел бы калибр побольше. Он лично считал, что меньше, чем БТ (Березина турельный. Калибр 12,7 мм), на дальний бомбардировщик ставить нельзя.

Темно-синие, подернутые пеплом белых гребней волны Ла-Манша не внушали оптимизма. Пролив с высоты напоминал наполненный водой ров осажденной крепости. В то, что англичане капитулируют после регулярных бомбежек, Иван Овсянников не верил. Не те они люди, чтобы пугаться. Не сдадутся, пока десант на Остров не перепрыгнет и не укрепит на плацдармах. Вот тогда да! Как говорили летчики, успевшие поработать в Персии и на Ближнем

Востоке, на земле воевать англичане не умеют. Это им не море, стоит поднажать, тут же бегут или лапки кверху поднимают.

Старший лейтенант Ливанов недавно рассказывал: в Тегеране целая кадровая дивизия лимонников сдалась при виде пылящих к городу танков. Сдались без единого выстрела. А наступал на город один наш танковый полк, потерявший на марше треть техники, да был еще батальон мотострелков на полуторках. Командир полка волосы на голове рвал, когда узнал, сколько на него пленных свалилось. Конвойных выделить не из кого было. Пришлось местных абреков спешно под ружье ставить, благо оружия и боеприпасов у англичан захватили более чем достаточно.

– Внимание, приготовиться к отражению атаки! – с металлом в голосе распорядился Овсянников. Одновременно он продублировал приказ по голосовой радиации ближней связи, для командиров звеньев. Руки стиснули штурвал, глаза подполковника неустанно обшаривали горизонт.

На северо-западе вертелась лихая сумасшедшая карусель воздушного боя. Черт побери! Не менее полусотни истребителей сцепились в яростной схватке не на жизнь, а на смерть. Пусть драка идет ниже горизонта группы ДБ-3, на четырех тысячах, все равно риск есть. Вдруг какой-нибудь шальной «Спитфайр» вырвется из свалки и наткнется на бомбардировщики.

А вот и цель английских истребителей. Только сейчас Овсянников заметил плотный строй двухмоторных бомбардировщиков, идущий еще ниже района боя. Отрываются от перехватчиков, тянут к цели. При виде плотного строя своих Иван Маркович восхищенно приподнял правую бровь: хороши! Никто не отстает и не отделяется от группы, никто вперед не вырывается. Строй плотный, так просто его истребителям не взять, с любого ракурса англичан встретит убийственный огонь десятков стволов.

– Сверху! – истошно орет Карпов.

Точно. С превышением в полкилометра на пересечку курса группы идут истребители. С полдюжины. Готовятся атаковать? Овсянников хотел было предупредить эскорт, вспоминал, как это будет по-немецки. Рука сама легла на тангетку радиации ближней связи. Стоп. Только сейчас подполковник узнал знакомые по опознавательным таблицам силуэты «Мессершмиттов». Это наши, спешат на помощь своим товарищам.

Однако оживленно здесь, как на проспекте в центре города в выходные. Воздушное наступление как-никак. Ребята уже устали считать встреченные соединения самолетов и отмечать на планшетах районы воздушных боев. Пока советским бомбардировщикам удавалось проскакивать мимо завязывающихся то тут, то там ожесточенных схваток.

Везет. При этой мысли Иван Маркович суеверно постучал по приборной панели. Скорее всего, все дело в том, что вражеская ПВО на пределе. Английское командование старается прикрыть только те объекты, на которые явно накатывается вал бомбардировщиков. На идущую куда-то мимо группу красноразвешенных самолетов сил уже нет.

Глава 4

Горящее небо

Внизу тянется однообразный пейзаж южной Англии. Куда ни кинь взгляд – всюду болота, каменистые осыпи, каналы, оплывшие холмы, иногда встречаются ровные прямоугольники полей, тянутся серые ниточки дорог. Города Овсянников благоразумно обходил стороной. Нечего гусей дразнить, рискуя напороться на зенитки.

Савинцев обратил внимание командира на поднимающиеся к небу слева от курса черные дымные столбы. Видимо, немцы успели там накуролесить. Неожиданно именно в этот момент откуда-то сверху на бомбардировщик сваливаются два «Харикейна». Стремительно приближающиеся машины, характерные профили английских истребителей.

– Стрелок, второй сектор! – кричит Овсянников – Два румба вправо!

Охранение тоже проворонило англичан, даже не чешутся, разини. Пара «Харикейнов» растет на глазах. Кажется, они нацелились прямо на тебя. Неприятное чувство. Ты их видишь и сделать ничего не можешь.

На крыльях ведущего вспыхивают огоньки. Рано. Молодой еще, сопляк. Не выдержали у пацана нервы. Дистанция более 700 метров. Иван Маркович, прищурившись, тянет штурвал вправо. Чуть-чуть. Сбить врагу прицел маневром. Главное, чтоб ведомые строй не потеряли.

Противник приближается, оба англичанина садят по бомбардировщикам длинными очередями. Дураки, патроны зря переводят.

А вот теперь дистанция сократилась. По ушам бьет злобный лай пулемета и быстро смолкает. Карпов бережет патроны, стреляет только наверняка. Первый «Харикейн» резко отвернул вправо и тут же попал под очередь с бомбардировщика капитана Страхова. Видно, что англичанин пытается выровнять машину, удержать на горизонте. От мотора тянется густой шлейф белого дыма. Еще очереди сразу с двух бомбардировщиков. Трассеры впиваются в крылья, мотор, кабину. Хорошо приложили. Потерявший управление истребитель, беспорядочно кувыркаясь, врезается в землю.

А второй?! Иван Маркович крутит головой из стороны в сторону, пытается отыскать лимонника. Вот и он. Не повезло бедолаге. Пара «сто десятых» аккуратно взяла его в огненные клещи. Небо рвут густые очереди. Бой заканчивается, не успев начаться. Англичанин, оставляя за собой дымный хвост, входит в последнее пики. «Мессершмитты» некоторое время следуют за ним, дают еще пару очередей для порядка и возвращаются к подопечным бомбардировщикам.

– Лейтенант Карпов, передай нашему эскорту благодарность. Одну утку они сегодня зажарили, – шутит Овсянников. Немного помолчав, добавляет: – А неплохо ты его шуганул. Как раз под пулеметы ведомых загнал.

Ответа не последовало, Дмитрий Карпов был занят разговором с истребителями.

Незначительное происшествие, первая схватка на этой войне. Счет пока 2:0 в нашу пользу. Неплохо. А у Карпова сегодня первый бой был, между прочим. Молодец парень, хорошо под огнем держится.

Бомбардировщики, натруженно завывая моторами, тянут на север. «Сто десятые» поднялись на две сотни метров выше. Видимо, командир эскорта решил, что следующие атаки тоже последуют с пикирования.

Подполковник бросил взгляд на часы – до цели минут двадцать осталось. Неплохо, очень даже неплохо. Овсянников перед вылетом предполагал, что все будет гораздо хуже. Район воздушных боев они почти миновали. Основной удар люфтваффе сегодня наносился по обороне южной Англии. Советской же дальней авиации достались стратегические объекты в глубине

вражеской территории. Недолго осталось топтать, если ничего не случится, долетим. Так размышлял подполковник, до рези в глазах глядя в даль, стараясь первым заметить вражеские перехватчики.

Вот и Бирмингем. Перед глазами Овсянникова, как на ладони, разворачиваются городские кварталы, тянутся серые нитки дорог. Мелькнула и убежала в сторону лента реки. Все, как на фотографиях, выданных командирам эскадрилий перед вылетом.

– Паша, выводи на боевой! – командует Иван Маркович.

Противник спит. Проворонили, ротозеи, мать их через колено. И не надо давать им почувшаться. Сразу начнем мероприятие, без доразведки цели. Благо заводы большие, промахнуться сложновато будет. Овсянников чуть-чуть подправил курс машины и дважды качнул крыльями – сигнал ведомым. В эфир он решил не выходить, радиопеленгация у лимонников на высоте.

Два звена капитана Страхова отваливают вправо, у них цель – электростанция. Остальные двенадцать «ДБ-3» выходят на расположенный на городской окраине промышленный район. Истребители сопровождения синхронно отвалили в стороны и спиралью набирают высоту. Им нет смысла лезть под зенитки.

Последние минуты. Нервы напряжены до предела. Высота давно сброшена, еще на подходе к цели. Внизу проплывают кирпичные корпуса, серые шиферные крыши складов. Мелькают какие-то будки, лужи, кусты, огородики, разбитые прямо между промышленными корпусами. Змеится узкоколейка. Маневровый паровоз тянет дюжину платформ с углем. Машинист высунулся из кабины и глазееет на накатывающуюся прямо на него волну бомбардировщиков.

Эх, вывалить бы сейчас груз. Разом половину квартала разровнять можно. И зенитчики не мешают. Нет, это пока не то, нам сегодня авиазавод потребен. Живите пока мирно, до следующего прилета.

– На боевом, – командует Савинцев, – доверни чуть левее. Еще. Вот так держать.

Карту можно и не смотреть. Штурманы ее зазубрили перед вылетом: маршрут, наземные привязки, подходы к цели. Сам Савинцев проследил и проэкзаменовал ребят. Надежный мужик, основательный. А ведь в дальней бомбардировочной совсем недавно, до финской Павел Сергеевич работал в гражданском воздушном флоте.

Бомбардировщик идет прямо на серебристые ангары. Уже можно разглядеть завод, наплывающие на летчика приземистые закопченные корпуса. Внизу заметно движение. Разгружавшие машину у одного из складов рабочие бросаются врассыпную, слышав прямо над головой рев авиационных моторов. Один мужичок остался перед раскрытыми воротами, задрал голову к небу, вылупил зенки на самолеты.

В сотне метров от бомбардировщика вспухает грязное облако. Рядом еще одно. Опомнились, сукины дети! И отвернуть нельзя. Машина на боевом. Стоит шевельнуть штурвалом, и придется идти на второй заход.

Овсянников краем глаза заметил зенитку на пустом пространстве между железнодорожной платформой и рощицей чахлах скрюченных деревьев. Расчет суетится, солдаты тащат ящики. Ствол автомата медленно ползет вслед за самолетом.

Подполковник невольно втягивает голову в плечи, дистанция пистолетная, сейчас они... Звучит стаккато пулемета. Рядом с зениткой поднимаются пыльные венчики. Англичане бросаются врассыпную, падают на землю, закрыв головы руками. Это Карпов спустился к нижнему ШКАСу. Молодец парень. Что там дальше с зенитчиками было, Иван Маркович не видел, возможности и желания оглядываться нет.

Самолет тем временем прошел над заводским корпусом. Справа в небо тянутся высоченные трубы, впереди ангар из гофры, примыкающее к нему кирпичное здание. На земле стоят два бомбардировщика, здоровенные собаки, четырехмоторные. ДБ-3 легонько вздрагивает и подпрыгивает. Моторы поют чуть веселее, звонче. Пошли, родимые!

Штурвал на себя, прибавить газу и в набор высоты. На земле за хвостом машины громынуло. Гулкие раскаты сливаются в один низкий рвущий барабанные перепонки рев.

– Командир, повтори заход. У меня шесть «соток» осталось, – требует штурман.

– Хорошо, – цедит сквозь зубы Овсянников.

Скосить глаза вправо, бомбардировщик Миронова держится рядом, а второго ведомого отнесло в сторону, сейчас он подруливает, чтобы занять свое место за ведущим. Ничего, бывает, главное – не отбился. Остальные экипажи, тоже отбомбившись, набирают высоту и пристраиваются к самолету командира.

Только звено старшего лейтенанта Ливанова с набором высоты уходит прочь от города. Вокруг тройки «ДБ-3» полыхает зарево разрывов. Зенитчики вцепились зубами и не отпускают. За хвостом одного ведомого, кажется, тянется струйка дыма.

– Давай, вытягивай, – шепчет подполковник, – ну, родимый, выползай.

Звено Ливанова заслоняет облако черного дыма. Ушли за завесу. Молодец ведущий, сориентировался. В этот момент машину Овсянникова встряхивает, как на ухабе. Летчик инстинктивно бросает самолет в левый вираж со снижением и сразу тянет штурвал налево. Бомбардировщик выкручивается в небе «змейку». Помогло, снаряды рвутся сверху и слева.

Подполковник жмет танкетку рации:

– Повторный заход выполнять самостоятельно. Сбор в точке один, над дачным поселком.

Жалко, станции ближней связи имеются только на машинах командиров эскадрилий и звеньев. Да и то поставили их буквально за два дня до перелета в Нормандию. В Финляндии работали без них.

Внизу проносятся городские кварталы. Отчетливо видны дома, узкие улочки, паутина проводов между зданиями, деревья. Квартал сверху напоминает разворошенный муравейник, суета и паника на улицах, мечущиеся люди. Многие, когда их накрывает тень бомбардировщика, инстинктивно шарахаются по подъездам и укрытиям. Хаос и беспорядок, никто не понимает, что город бомбить не будут. Ждут, несчастные, что их вот сейчас накроет воющей, летящей с неба смертью.

Зенитный огонь стих. Видимо, зенитки сконцентрированы на подступах к промышленной зоне, в городе их нет. Над авиационным заводом поднимаются столбы дыма, из окон и фонарей корпусов выбиваются языки пламени, рушатся стены, проседают перекрытия.

– Штурман, заходим на цель! – требует Овсянников, усилием воли перебарывая свой страх. Опять придется под зенитки лезть, а они, черти, проснулись все, сколько есть.

– Давай, командир, держи курс на бочки, – в свойственной ему манере просит штурман.

Черт бы его побрал! Где он бочки нашел? И чем они ему мешают? Прямо по курсу черно от клякс разрывов, небо перечеркивают строчки трассеров. Заградительный огонь ведут, уроды недоношенные! По спине ползут мурашки, как подумаешь, что опять придется нырять в этот ад.

– Левее, еще левее, я говорю, – спокойным будничным тоном подправляет штурман, – вон впереди каменный забор и полосатая будка со шлагбаумом.

– Вижу, – нервно бросает Овсянников. От грохота взрывов вырастающей вокруг машины стены огня хочется зажмуриться, да нельзя. Остается только сконцентрироваться на работе и стараться не думать о рвущих дюраль осколках.

– Между забором и стеной бочки, видишь? Серебристые трубы торчат.

Подполковник молча кивает, как будто Савинцев может видеть его жест. И как штурман умудрился разглядеть хранилище ГСМ? В те самые секунды, когда самолет выходил к точке разворота, углядел. Действительно, между забором и невысоким зданием наполовину в землю врыты цистерны, так просто и не поймешь, что это такое.

Из облака дыма выныривает бомбардировщик и прет прямо в лоб самолету Овсянникова. Не видит?! Иван Маркович стискивает зубы и сжимает штурвал до боли в руках, матюги при-

липают к языку. Машины стремительно сближаются. Прямо в лицо Овсянникову глядит ствол носового пулемета, взгляд притягивают круги винтов. Жуть. Подполковник успевает дернуть машину влево, уводя от фатальной встречи.

– Куда рвешь?! – кричит штурман. – Правее!

К счастью, летчик встречного самолета успел заметить командирскую машину и отвернул. Бомбардировщики разошлись буквально вперику, не более полусотни метров друг от друга.

– Номер четырнадцать, лейтенант Туманов, – пробормотал Иван Маркович, заметив знакомую цифру на хвосте самолета. Чуть не протаранил, придурок. Подполковник успокаивается, Туманов сам, наверное, перепугался как следует. Только что отбомбился, вырвался из под зенитного огня и чуть не столкнулся. Бывает.

Все вокруг затянуто черными дымными кляксами, по обшивке грохочут осколки, над головой целое море огня. Нет, лучше туда не смотреть. В кабине явственно чувствуется вонь сгоревшего кордита. Кисловатый такой запах. К гулу моторов примешивается свист воздуха в пробоинах в стенках кабины. Два стекла фонаря покрылись сетью трещинок, посередине аккуратненькие дырочки от пуль.

Овсянников успевает оглянуться по сторонам в поиске ведомых. Тучки они. Оба держатся, разошлись немного в стороны, чтоб работу зенитчикам не облегчать, но далеко не отрываются. Хорошо, если они тоже цель нашли, не придется ребятам на третий заход идти.

Цистерны наплывают на остекление кабины, вот они. Из окопа рядом с воротами выскакивает человек и бежит куда-то в сторону. Не выдержали нервы.

– Товарищ подполковник, двадцать восьмой горит, – доносится откуда-то издалека испуганный голос Карпова.

– Пошли! – кричит штурман.

Все. Штурвал на себя и обороты прибавить. Облегченная машина ласточкой взмывает вверх. Кажется, и зенитный огонь стих. Моторы весело поют, самолет слушается рулей. Короткий взгляд на приборы – топлива меньше, чем Овсянников рассчитывал. Баки, наверное, пробиты. Это ерунда, протектированные фиброй емкости сами затягивают пробоины. Не загорелись, и хорошо. А дальность у «ДБ-3» приличная, домой, если желание будет, можно хоть через Шотландию лететь.

Оглянувшись, Иван Маркович увидел расплывающееся над землей черное облако. Сквозь дым пробиваются сполохи. Цистерн не видно, все затоплено огнем и дымом. Стена здания медленно заваливается внутрь, крыша проседает и обволакивает собой стальные фермы. Вдруг сквозь мглу пробивается яркая вспышка. Миг, и за хвостом самолета вырастает огненный фонтан.

Ведомые не отстают, держатся, как приклеенные. У лейтенантов Миронова и Хамидулина первый боевой вылет, а не сдрейфили. Голову под огнем не потеряли. Овсянников отметил для себя, надо после вылета напомнить людям, что плотный строй хорош на маршруте, при бомбежке же желательно разреживаться, не мешать друг другу на противозенитном маневре.

Слева и чуть выше идет пара бомбардировщиков, тоже отбомбились. На хвосте ведущего цифра «17», это Ливанов. Откуда он взялся? Последний раз Овсянников видел звено старшего лейтенанта, когда тот отрывался на противозенитном, уходил прочь от города. И где второй ведомый? Потерял или...? Комполка вспомнил струйку дыма, тянущуюся за машиной младшего лейтенанта Васильева. Да, не обошлось без потерь.

Нажав танкетку ближней связи, подполковник советует ребятам не увлекаться и поворачивает машину к точке сбора. Над дачным поселком уже кружит четверка «ДБ-3». Сверху над бомбардировщиками плывет пара «Мессершмиттов». Поднявшись на три километра, Иван Маркович качнул крыльями, сигнал для экипажей – следуйте за мной.

Карпов тем временем опрашивает по радиации командиров эскадрилий и звеньев. Выясняется, что потеряны два экипажа: «двадцать восьмой» старшего лейтенанта Кикадзе и машина младшего лейтенанта Васильева.

С двух самолетов точно видели, как бомбардировщик Кикадзе огненным метеором рухнул на город. Никто из горящего самолета не выпрыгнул. На аэродроме никогда не дождутся вечно картавящего задиристого Ивана Кикадзе, круглолицего с хитрым крестьянским прищуром штурмана Васю Сапшевского и застенчивого, постоянно краснеющего стрелка-радиста Диму.

Не вернется и экипаж Васильева. Истребители сообщили, что бомбардировщик упал на пустошь. А ребята могли и спастись, два парашюта немцы точно видели. Жаль только, вернутся парни уже после войны. С Острова просто так не убежать и спрятаться негде. Наверняка к месту падения бомбардировщика спешат полиция и солдаты.

Постепенно экипажи собираются над точкой встречи и пристраиваются к машине ведущего. Через три минуты появляется группа капитана Страхова. Идут четко, правым пеленгом. Все шестеро. Или нет? Показалось?

– Пять машин, – докладывает радист, – одного потеряли.

– Идем домой, – сухо командует Овсянников.

На душе у подполковника пасмурно. В первый же вылет три экипажа потеряли, и все от зенитного огня. А если бы с перехватчиками не разминулись? Плохо все. Овсянников не ожидал таких потерь над целью. Не думал, что англичане к заводу столько зениток стянут. Тыловой же объект. А что ожидает вторую группу над Эдинбургом? Лучше об этом не думать, пока на аэродром не вернулись. Вон на правом траверсе темнеют точки самолетов. Приближаются, собаки, поднялись на перехват.

Подполковник старается набрать перед боем высоту и добавляет моторам оборотов. В эфир летит приказ сбить строй плотнее и подготовиться к отражению атаки. Эскадрон забирается еще выше, «сто десятые» готовятся отсекай «Харикейнов» и «Спитфайров» от подопечных бомбардировщиков.

Глава 5

Перечеркнутое небо

Моторы уверенно тянут машину вперед. Ровный басовитый гул, расплывчатые круги винтов перед моторами, вселяющие оптимизм показания приборов на панели – дорога домой. Самый лучший маршрут – это маршрут на свой аэродром, особенно после того ада, что встретил бомбардировщиков над целью. Да и потом тоже скучать не пришлось.

Сквозь остекление кабины светит солнышко, по приборной доске скачут зайчики. Вокруг чистое, редкое для Англии небо. Ни одного облачка на горизонте.

Группа бомбардировщиков упрямо тянет прямо на юг к Ла-Маншу. «Сто десятые» поднялись на полкилометра выше подопечных и растянулись цепочкой. Они сегодня хорошо поработали: атаку перехватчиков отразили быстро и без потерь.

Тогда, сразу после удара по авиазаводу, в тот момент, когда бомбардировщики только только собрались вместе, а группа Страхова еще подтягивалась, на горизонте появились английские истребители. Меньше минуты на оценку ситуации и столько же на то, чтобы собрать строй бомбардировщиков в единый ошестинившийся стволами монолит.

Командир группы эскорта, человек умный и рискованный, принял неординарное решение. Истребители сопровождения вместо того, чтобы выйти «Харикейнам» в лоб и связать их боем, наоборот, поднялись выше бомбардировщиков Овсянникова и повернули в сторону. Со стороны можно было подумать, что немцы уклоняются от боя. На этот маневр повелись не только англичане. Штурман Ливанова Макс Хохбауэр весьма образно характеризовал «Мессеров». Причем дикую, невообразимую смесь русской и немецкой брани прекрасно поняли и Ливанов, и стрелок-радист младший комвзвода Зубков.

Это уже потом стало ясно, что немцы этим маневром прикрывали не только основную группу «ДБ-3», но и эскадрилью капитана Страхова. Англичане не уловили подвоха, а, скорее всего, просто напрочь забыли о немецких истребителях. Дюжина «Харикейнов» с азартом ринулась в атаку на самолеты Овсянникова.

Мать их! Полнокровная эскадрилья! При виде приближающихся машин у Владимира Ливанова на спине проступил холодный пот, челюсти свело судорогой. Двенадцать истребителей, и у каждого целая батарея пулеметов в крыльях.

Уже потом, после боя, Владимир догадался, что англичане с первых секунд боя совершили кучу ошибок. Атаковали они разрозненными звеньями, каждый сам по себе. Причем шли они в лоб, и только одно звено отвернуло в сторону, чтобы зайти с правого борта.

Тогда было не до размышлений. Резко крутануть головой и, стиснув зубы, держать свое место в строю. Держать! В лоб Ливанову идет истребитель. Противник стремительно приближается. Хочется втянуть голову в плечи и, заложив вираж, отвалить в сторону. Нельзя.

Можно только стиснуть зубы и держать курс. Идти впрытик к соседям, крыло к крылу, прикрывая друг друга пулеметами. Следовать за лидером, не отрываться и поглядывать на ведомых. Взгляд в сторону на бомбардировщик Паши Столетова. Молодец, держится сбоку, чуть приотстав, чтобы не заслонять своим фюзеляжем огневые точки ведущего.

Из кабины Макса Хохбауэра доносится сухой лающий стук ШКАСа. Штурман явно бьет «на испуг». Дистанция пока великовата для прицельной стрельбы. Короткая очередь. Еще одна. Трассеры тянутся к «Харикейну». Не выдержав вид прущего в лоб истребителя, Ливанов прищурился и скосил глаза на своих. Все идут ровно. Держат строй, как на параде. Отстреливаются, черти!

Хорошо видно стрелка в башне ближайшего к машине Ливанова бомбардировщика. Он водит стволом ШКАСа из стороны в сторону, явно не может выбрать, в кого из падающих

на него сверху истребителей лучше стрелять. Наконец пулемет оживает. К ведущему тянутся огненные пунктиры.

Англичане немедленно открывают ответный огонь. На крыльях «Харикейнов» вспыхивают огоньки, более полудюжины на самолет. Собыют? Это же целый ливень пуль. Нет, ведущий уже уматывает: нервы не выдержали или стрелок бомбардировщика его задел.

Противник, кажется, атакует со всех сторон. Дистанция эффективного огня. Апогей боя. Сейчас или кто-то из наших не выдержит и дрогнет, развалит строй, или англичане проскочат над бомбардировщиками на встречных курсах. В этот момент стрелкам не зевать – бить истребители в брюхо кинжальным огнем с пистолетной дистанции.

Откуда-то сверху выскакивает двухмоторный самолет с крестами на плоскостях и киле. Это наши! Немцы точно рассчитали момент удара. Двухмоторный «Ме-110» не слишком быстр и тяжеловат на маневре. Зато стремительная атака с пикирования в исполнении этой машины страшна. Особенно если учесть носовую батарею из двух пушек и четверки пулеметов.

Англичане не выдержали обрушившийся на них сверху черный ураган, бросились врассыпную. Иначе и быть не могло, истребитель – машина хрупкая. Владимир Ливанов заметил два дымящихся, беспорядочно кувыркающихся «Харикейна». Земля им пухом, и к черту!

К чести англичан, они не отступили, а, справившись с секундным замешательством, попытались навязать немцам маневренный бой на горизонтали. Неудачно. Вогнав в землю еще один перехватчик, «Мессершмитты» разорвали огневой контакт и ушли догонять бомбардировщики, огрызаясь на пару увязавшихся следом смельчаков из хвостовых пулеметов. Через минуту охотники отстали, нескольких хлестнувших по плоскостям очередей оказалось достаточно, чтобы понять, чем закончится игра, стоит дюжине «сто десятых» обратить внимание на нахалов.

– Командирам звеньев доложить о повреждениях. Внимательно осмотреть ведомых, – неожиданно ожила рация ближней связи.

– Моторы работают, приборы в норме. Столетов топают следом, повреждений не видно, – на автомате отозвался старший лейтенант Ливанов, успев только пробежать глазами по приборной доске и бросить короткий взгляд в сторону ведомого.

– У меня ранен радист, – звучит усталый голос лейтенанта Филатова, – у двенадцатого оторван элерон, еще над целью.

Короткие доклады командиров звеньев и комэсков следуют один за другим. Люди только сейчас вспомнили о передатчиках. Хорошо еще, никто не додумался выключить аппарат, чтобы в кабине лишние лампочки не мигали.

– Идем домой. Возвращаемся прежним курсом. О повреждениях моторов докладывать незамедлительно, – требует Овсянников.

С того времени прошел почти час. Группа на крейсерской скорости идет над южной Англией, с каждой минутой приближаясь к Проливу. Противник пока не беспокоит. Видимо, англичане поняли, что плотный строй группы бомбардировщиков под прикрытием истребителей мелким группам перехватчиков не по зубам, а лишних эскадрилий «Харикейнов» и «Спитфайров» у них просто нет. Все небо севернее Пролива полыхает огнем и швыряет на землю горящие самолеты.

Постепенно напряжение спало. Владимир Ливанов уже не шарит безостановочно глазами по небосклону. Полет проходит относительно спокойно. Подполковник Овсянников заблаговременно обходил вспыхивавшие то тут, то там яростные схватки. Получив по радио предупреждение, он изменил курс, повернув на запад, чтобы миновать крупную военно-воздушную базу, над которой крутилась сумасшедшая карусель «собачьей схватки».

– Смотри, командир, – заметил Макс, – нашим туго приходится.

– Вижу, – скрипнул зубами Ливанов.

Он уже несколько минут наблюдал за армадой «Юнкерсов», отбивавшейся от навалившихся на них со всех сторон англичан. Бой шел в пяти-шести километрах от эскадрилий «ДБ-3».

– Как собаки на медведя, – прокомментировал радист.

– Они еще с бомбами. Вот их и грызут.

– Черт! Еще один загорелся! – возмущенно выдохнул Макс, провожая взглядом горящий бомбардировщик. «Юнкерс» шел к земле, оставляя за собой густой шлейф черного дыма. Острый глаз Владимира заметил два купола раскрывшихся в небе. Выпрыгнули, спаслись.

Нет, горящая машина вдруг вильнула в сторону, выровнялась и пошла в сторону серых домиков и серебристых ангаров полевого аэродрома. Именно с этого аэродрома, по всей видимости, и поднялись перехватчики, вцепившиеся в соединение «Юнкерсов».

Горящий самолет приближался к воздушной базе. Видно было, что летчик не выпрыгнул, не оставил машину и крепко держит ее на последнем боевом курсе. Зенитчики всполошились, в небе расплылось несколько черных клякс. Хаотичный, неприцельный огонь. Как заметил Ливанов, зениток на аэродроме немного. Последние два километра, километр. Горящий «Юнкерс» прошел над ангаром, чуть было не задев его винтами, и ударил в неприметное приземистое каменное здание. К небу взметнулось пламя, черный столб дыма, летящие во все стороны обломки.

– Две тонны нагрузки. Не меньше, – заметил Макс и хрипло добавил: – Они за это заплатят.

Остальные «Юнкерсы» пробивались к аэродрому, отстреливаясь от вражеских истребителей. Наконец они дотянули. Англичане, как по команде, прыснули в стороны. Секундная передышка, в дело вступили зенитки. К счастью, их было мало.

Не обращая внимания на рвущие воздух, сеющие вокруг себя смертоносные облака осколков снаряды, тяжелые самолеты один за другим сваливались на крыло и ложились на боевой курс. Еще минута, и аэродром накрыли грязные кусты разрывов. Огонь зениток стих. И опять на выходящие из пикирования бомбардировщики набросились вражеские истребители.

Самый опасный момент – «Юнкерсы» еще не успели сбиться в плотный оборонительный строй. Сейчас их можно валить по одному. Проклятые англичане! Ливанов кусал губы от боли и злости, не в силах выдержать вид горящего, кувыркающегося бомбардировщика. Подкрававшийся с хвоста «Спитфайр» расстрелял немца буквально в упор, в считанные секунды выплеснув скорострельную злобу восьми своих пулеметов.

Тяжело, практически невозможно смотреть со стороны, как гибнут боевые товарищи, будучи не в силах прийти им на помощь. Невозможно, но частенько приходится. Ливанов не слышал короткий радиообмен, прошедший пять минут назад между подполковником Овсянниковым и командиром эскорта гаупманом Шрейдером. Он только внезапно понял, уловил шестым чувством, что с боку и сверху его никто не прикрывает. Дружеского плеча «Мессершмиттов» нет.

– Стрелок, оглядеться по сторонам! – от зубов отлетела вбитая в подкорку до автоматизма фраза.

– Над нами чисто. Командир, вижу наших крестокрылых. – Сергей Зубков буквально захлебывался от восторга. – Как он его!

Владимир сам уже видел «сто десятых». Ястребы гаупмана Шрейдера успели за три минуты долететь до района боя, зайти со стороны солнца и сейчас, разбившись на пары, атаковали англичан. Военное счастье переменчиво, миг, и перехватчикам стало не до бомбардировщиков.

«ДБ-3» тем временем поднялись выше и шли прямоком к Ла-Маншу. Иван Маркович, отпустив эскорт, решил больше не рисковать – мало ли на кого можно напороться на завер-

шающем отрезке пути. Вскоре английский аэродром и кровавая схватка в его окрестностях остались позади.

Владимир уже не видел, как англичане, потеряв тройку своих, отправили в последнее пике четыре «Ме-110». Жестокая карусель «собачьей схватки», преимущество в которой у легких и маневренных «Спитфайров» и «Харикейнов». Он не видел и прорвавшуюся на помощь своим четверку «Эмилей». Только через пару дней летчики полка узнали, что из того рейда не вернулась половина группы гаупмана Шрейдера. Сам командир, будучи раненным, буквально чудом довел покалеченную машину до своего аэродрома.

Над островом Уайт группу неожиданно атаковало звено «Харикейнов». Спикировавшие со стороны солнца истребители проскочили мимо звена старшего лейтенанта Журавлева и обстреляли его ведомых. Ответный огонь бомбардировщиков запоздал. Стрелки спохватились только тогда, когда пули «Браунингов» уже рвали фюзеляж и консоли бомбардировщика с номером «23».

К счастью, льющийся из пробитых баков бензин сразу не загорелся, а затем пробоины затянуло, забило фиброй. Бомбардировщик младшего лейтенанта Ковалева уверенно держался на курсе. Тяжелая машина очень живуча, еще во время Персидской операции выяснилось, что «ДБ-3» одной очередью не завалить.

Беда не приходит одна. Уже над проливом «двадцать третий» начал постепенно отставать от своих. Кирилл Журавлев передал по радию, что видит над правым мотором ведомого дымок. Поврежденный пулеметной очередью двигатель отказал. Второй мотор еще тянул. До Франции оставались считанные километры. Опасности позади, здесь, над серыми волнами Ла-Манша, можно не бояться вражеских истребителей.

Овсянников сбавил скорость своего самолета, тем самым притормаживая строй группы. Потом, на земле, подполковник никак не мог себе объяснить, почему он принял это решение. Интуиция заставила немного опустить сектор газа. Что-то черное, нехорошее кольнуло душу – не следует бросать поврежденную машину. Действительно, предчувствия оправдались.

Уже над заливом Сены, в виду серой полосы континентального берега, дым от мотора самолета Ковалева повалил сильнее. Из-под кожуха выстрелил язык пламени. Еще несколько секунд, и крыло бомбардировщика объял огонь. Что там произошло, почему машина загорелась, осталось неизвестным. Потом консилиум механиков пришел к выводу, что малоопытный летчик забыл инструкцию и не перекрыл подачу топлива к поврежденному мотору.

Ковалев пытался сбить пламя скольжением, но неудачно. Радист на вызовы не отвечал. Журавлев по ближней связи передал, что видит Петю Абрамова, стрелка-радиста в экипаже Ковалева сидящим в верхней башне. Стрелок склонился над пулеметом, на сигналы не реагирует. Ранен? Убит? Все может быть.

За самолетом тянется густой черный шлейф, крыло горит. Огонь все ближе и ближе подбирается к фюзеляжу. Кирилл Ковалев помахал напоследок товарищам и отвернул вправо от курса группы. Видимо, решил попытаться доползти до берега в районе Байё.

Ребята, стиснув зубы, многие со слезами на глазах, смотрели вслед товарищам. Старший лейтенант Журавлев тоже отделился от группы и шел за машиной Ковалева. Два самолета медленно удалялись, пока не превратились в черные точки на горизонте. Черный шлейф от горящего бомбардировщика хорошо был виден издали. Нождажданно он исчез, пропал из виду.

До аэродрома группа дошла без приключений. Машины четко, одна за другой, заходили на посадку. Владимир Ливанов приземлился одним из последних. К замершему у края летного поля, близ капониров, бомбардировщику подбежали механики. Макс и Владимир к тому времени уже выбрались из машины по веревочной лестнице через нижний люк кабины штурмана. Осталось только дожидаться Серегу Зубкова, радист задержался в своей кабине, как он передал по СПУ, парашют зацепился за рычаг и распустился.

Первым делом, спустившись на землю, Ливанов рухнул на бетон и со стоном потянулся за пачкой папирос. Руки немного подрагивали, и прикурить удалось только с третьей спички. Макс бухнулся рядом с летчиком и, заложив руки за голову, уставился в небо. Так он и лежал минут пять, не обращая никакого внимания на суетящихся вокруг самолета механиков и оружейников.

– А тихо-то как, – наконец протянул Макс, открыв глаза.

– Где вы тишину нашли, товарищ лейтенант? – любопытствовал младший комвзвода Зубков. Стрелок-радист как раз проходил мимо лежащих на бетонке под самолетом летчика и штурмана.

К бомбардировщику в этот момент подъехала полуторка с топливной цистерной, двое голых по пояс оружейников катили тележку с ФАБ-250. Механики, отчаянно матерясь, латали полуметровую пробоину в левой консоли. Рядом с машиной Ливанова мотористы снимали кожух с правого двигателя бомбардировщика лейтенанта Столетова. Нет, тишиной на самолетной стоянке и не пахло, даже намек на тишину.

– Зато моторы молчат, – загадочным тоном протянул Хохбауэр.

Зубков только покачал головой, удивляясь непонятной простому русскому человеку душе штурмана и, присев на корточки над Владимиром Ливановым, осторожно отлепил от его губы погасший окурок. Затем радист суеверно перекрестился и полез в нижний люк самолета проверить работу рации. При возвращении с задания на родной аэродром Зубкову показалось, что приемник немного барахлит.

– Пусть спят, бедолаги, – прошептал себе под нос радист, выкручивая крепежные винты из рации.

Он, в отличие от летчика и штурмана, уже знал, что через два часа экипаж снова пойдет в бой. Приказ подготовить неповрежденные машины к вылету подполковник Овсянников передал на аэродром еще в небе над Ла-Маншем. Как в большинстве случаев, командир оказался прав – к моменту возвращения группы Овсянникова на КП из штаба дивизии пришел приказ: сегодня же подготовить вылет и нанести удар по авиамоторному и химическому заводам у Ньюкасл-апон-Тайна.

Естественно, Иван Маркович первым делом позвонил в штаб. На том конце провода ему как-то нехорошо обрадовались и тут же соединили с Семеновым. Выслушав доклад, генерал-майор грубо оборвал Овсянникова, собравшегося осторожно поинтересоваться срочностью и обязательностью последнего приказа, и потребовал уже через два часа поднять в небо весь полк.

Побагровевший от такой новости Иван Маркович набрался смелости и заявил, что в данный момент в его распоряжении семь бомбардировщиков и пять экипажей, не участвовавших в утреннем налете. Кроме того, из рейда на Бирмингем на аэродром вернулись 14 самолетов. Часть машин повреждена и не может подняться в воздух без срочного ремонта. И за два часа не успеем собраться, заправка топливом только одного бомбардировщика занимает час времени. Подготовка к вылету займет не менее трех часов, это в лучшем случае. Про себя Овсянников подумал, что не грех бы еще дождаться группу Иванова. Кто знает, сколько машин вернется домой?

Выслушав аргументы подполковника, Семенов потребовал пригласить к телефону майора Чернова. В этот момент решалась судьба Овсянникова. Обстановка нервная, чувствовалось, что комдив готов отстранить от командования не оправдавшего надежды подполковника. Сам Иван Маркович философски отнесся к возможной опале. Куда больше его беспокоили предполагаемые потери. Он по себе знал, что двух-трех часов на отдых людям будет мало.

– Разжалуют, ну и черт с ним, – пробормотал Овсянников, протягивая трубку заместителю.

Майор Чернов, в свою очередь, с застывшей каменной улыбкой на лице выслушал категоричные требования комдива и неторопливо, с расстановкой, повторил аргументы своего командира:

– Нет, вылетим через три часа, раньше машины подготовить не успеем. Примерно 20 экипажей поднимем. Надо уточнить у механиков, сколько самолетов сможем поднять. Да, получили повреждения над целью. Зенитный огонь плотный, и истребители перехватили после бомбометания.

– Ладно, передай трубку своему Овсянникову, – согласился генерал-майор. – Группу поведешь ты. Слышишь?! Разнести завод к чертовой матери!

– Да, слушаю, товарищ генерал-майор. – Иван Маркович, поблагодарив зама коротким кивком, прижал трубку к уху.

– Даю три часа на подготовку, и чтоб две эскадрильи подняли! – рыкнул Семенов. – Цель очень важна. Союзники сегодня там две дюжины самолетов потеряли. Повторить удар они не могут, значит, рисковать придется нам. Вы ведь дальнебомбардировочная авиация, – добавил комдив чуть тише. В его голосе чувствовались просящие нотки. На миг Овсянникову почудилось, что Семенов готов извиниться за резкий тон. Нет, всего лишь почудилось.

– И не забывай, мы только с сегодняшнего дня включились в работу, а немцы уже третий день ведут воздушное наступление. Не дело за спинами союзников отсиживаться. Работайте, подполковник.

Положив трубку, Овсянников опасливо огляделся по сторонам и подмигнул смотревшим на него Чернову, Савинцеву и Абрамову. На его взгляд, последняя фраза комдива не имела абсолютно никакого смысла: в отличие от немцев, стянувших на западный рубеж почти всю свою авиацию, Советский Союз перебросил во Францию и Голландию всего только два полка «ДБ-3» и одну эскадрилью «ТБ-7». С такими силами нам остается только роль помощников, но никак не главной ударной силы.

– Пойду пройдуся по полю, с людьми поговорю, – вздохнул помполит.

Дмитрий Сергеевич чувствовал себя не в своей тарелке. Мало того что приходится на земле сидеть, пока ребята с империалистами дерутся, так еще командиру ни за что ни про что досталось. Как подметил Абрамов, Овсянникова в полку любили – плохо будет, если мужика смайняют в комэски или простые летчики, однозначно это отразится на моральном уровне коллектива. Такие вещи Абрамов селезенкой чувствовал и понимал. Нельзя командира после первого боя снимать. Человеку доверять надо, тогда и он на все сто выложится, кровь из носу – дело сделает.

Глава 6

Бесконечный день

В отличие от летчиков, отдохнуть после вылета Овсянникову не удалось. стакан крепкого чая, папираса, и за работу. К сожалению, командиру все чаще приходится не во главе сплоченных звеньев в бой идти, самому цель выискивать, а в кабинете с бумагами и людьми работать. Ну, не в кабине, а за столом у телефона. Работать пришлось не только Овсянникову, после получения новой задачи из дивизии на безделье никто не жаловался. Первым делом Иван Маркович собрал летных специалистов и озадачил их прокладкой курса на Ньюкасл-апон-Тайн.

Полковой военинженер Аристарх Селиванов в течение получаса лично обошел все вернувшиеся с задания бомбардировщики и, ввалившись на командный пункт, ошарашил всех одним-единственным вопросом:

– Я все понимаю. На войне иначе не бывает. Скажите, сделайте одолжение: на какой ёкорный бабай было лезть под зенитный огонь?

– Не понял?! – Иван Маркович оторвал глаза от карты и медленно выпрямился. – Нет, заходим не с севера, а с юго-запада. Ориентиры приметные, – Савинцев не обратил никакого внимания на появление инженера. Штурман был слишком поглощен решением задачи, чтобы еще отвлекаться на всякие мелочи.

– Ты же опять, как над Петсамо, прямо в огонь полез, – невозмутимо продолжал Аристарх Савельевич. Инженер полка имел моральное право на такой тон, не первый год на службе, матчасть полка он знал досконально. По большому счету, на Селиванове все и держалось. Кроме того, во время финской войны инженеру не один раз приходилось ремонтировать самолет Овсянникова, латать продырявленную осколками и пулями машину.

– Товарищ военинженер второго ранга, извольте заняться своим прямым делом, готовить машины к вылету, – медленно, по слогам процедил подполковник, – а разбор полетов будет завтра на утреннем построении. Там и выскажетесь. Усек?

– У тебя два бака насквозь пробиты, стенки разодраны в клочья. И как не загорелся? Гидроприводы бомболюков разбиты. Фюзеляж и консоли в дырах. Дальше перечислять?

– Маркович, где у лимонников радиолокационные станции стоят? – повернулся к командиру Савинцев. Заметив, что Овсянников смотрит не на карту, а на инженера, штурман потер пальцем переносицу и недовольным тоном осведомился: – В чем дело?

– В Шотландии точно есть. Под Кингстоном должны быть. Ты думай не о станциях, а чтоб кратчайшим курсом к цели выйти. Тогда они не успеют поднять перехватчики, – заметил Чернов. Майору тоже проблемы с техникой были побоку, все, что не касалось непосредственно вылета, отошло на второй план.

– Товарищ Селиванов, сколько машин готово к вылету? – раздраженно бросил Савинцев, он успел сориентироваться в обстановке и задал единственно верный вопрос, заставивший военинженера вспомнить о делах более важных, чем раздача летчикам и штурманам советов, как лучше бомбить врага.

– Вот так-то, – поддержал штурмана комполка, – идите работайте.

Как только за Селивановым закрылась дверь, наблюдавший за развернувшейся у него на глазах сценой дежурный офицер прыснул в кулак и тут же закашлялся.

– А вы, лейтенант Гордеев, не подсматривайте. Через 24 минуты вас сменят. – Овсянников вспомнил, что лейтенанту скоро придется идти в бой.

– Слушаюсь!

– Дежурным будет неудачник с покалеченным самолетом, – подытожил подполковник, возвращаясь к рабочему столу.

Майор Чернов до этого момента не вмешивался в разговор. Дождавшись, когда комполка и штурман вернутся к работе, Иван Васильевич ткнул пальцем в точку на карте рядом с целью и заявил:

– Заходим с запада. Однозначно. Ориентируемся над морем по береговой черте и на форсаже идем к цели.

– Не промахнетесь?

– Пахомыч дорогу найдет. – Чернов имел в виду своего штурмана капитана Малюгина. Пятнадцать лет прослуживший в гражданском флоте и пришедший в ДБА всего полгода назад во время финской, седовласый, чуточку меланхоличный штурман пользовался всеобщим уважением однополчан, звали его исключительно по отчеству.

– А если?

– Иначе не получится. У империалистов на севере приличные силы, немцев они хорошо потрепали. А мы вообще идем без прикрытия. Нет! – майор Чернов рубанул ладонью над картой. – Единственный наш шанс – отбомбиться, пока они не спохватились. Действовать будем быстро.

– Без истребителей, с тремя нашими огневыми точками, – вздохнул Савинцев, – удачи тебе, Иван Васильевич.

– К черту! – сплюнул Чернов.

– Товарищ подполковник, – дверь в радиоузел распахнулась, и в комнату буквально влетел раскрасневшийся радист, – передача от капитана Иванова!

– Ну?! – все присутствовавшие офицеры разом повернулись к радисту.

– Возвращается. Идет над морем. Капитан Иванов сообщает, что задание выполнено, при этом потеряно... – старшина запнулся, – потеряно, товарищ подполковник, семь экипажей.

– Проклятье! – Иван Чернов с размаху долбанул кулаком по столу. Крепкая дубовая мебель выдержала, но чернильница от сотрясения соскользнула на пол и разбилась.

– Семь экипажей, двадцать один человек, – растерянно пробормотал себе под нос Овсянников. Секундная слабость, затем командир взял себя в руки: – Свяжитесь с немцами, предупредите о возвращении группы. Не хватало нам еще под свой огонь попасть, – тихо добавил подполковник.

– По моим расчетам, Иванов вернется до взлета группы Чернова, – Савинцев демонстративно посмотрел на наручный хронометр, – поспрошаем, что там на севере дееется?

Действительно, расчет штурмана оказался верен, группа вернулась вовремя. Сначала пришло сообщение от радиолокационной станции в Брюгге – немцы заметили соединение тяжелых бомбардировщиков. Затем было получено подтверждение с постов ВНОС: летят двухмоторные самолеты с советскими опознавательными знаками. К моменту подлета авиагруппы на аэродроме собрался практически весь личный состав полка.

Люди с тревогой смотрели в небо. Весть о тяжелых потерях эскадрильи Иванова успела распространиться среди людей. Все ждали возвращения товарищей, и, как заметил Овсянников, судя по выражениям лиц, коротким фразам, бросаемым между ребятами, многие не надеялись на лучшее. Сегодня очень тяжелый день. Практически все, кто на собственной шкуре, кто по рассказам товарищей, поняли, что легкой победы не будет. Бои над Англией идут жестокие, потери с обеих сторон огромны.

День еще не закончился, а уже приходится готовиться к новому вылету. Кто не вернется на этот раз? Кого из группы Чернова не дождутся на авиабазе Ла Бурж? Кто из группы Иванова ползет на аэродром с разбитыми плоскостями, на одном моторе, с ранеными товарищами в кабинах? А кто остался там, за проливом? И живой ли?

– Летят! – пронесся над аэродромом громкий возглас.

На севере показались темные точки самолетов. Наши? Нет, самолеты шли на высоте, вскоре в них можно было узнать знакомые силуэты «Хе-111». Немцы прошли над летным полем и повернули на юго-восток.

Через пять минут с вышки передали, что видят еще одну группу самолетов. Не усидевший в затхлой, прокуренной атмосфере командного пункта подполковник Овсянников приложил ладонь ко лбу и прищурился, стараясь разглядеть приближающиеся самолеты. На душе у него было неладно. Тревога давила на плечи, как пудовая гиря.

Самолеты все ближе и ближе, они снижаются. Двухмоторные однокилевые машины. Да, это наши. Привычный, знакомый силуэт «ДБ-3». Вскоре бомбардировщики настолько приблизились, что можно было разглядеть звезды на крыльях.

Первая тройка сделала круг над аэродромом, ведущий качнул крыльями, затем машины снова набрали высоту. Самолеты идут четко, моторы работают, на хвосте лидера отчетливо видны цифры «05», номер машины капитана Иванова. Пока звено комэска кружило над аэродромом, остальные бомбардировщики сажались с ходу.

Первая машина докатилась почти до конца летного поля и резко, со скрипом остановилась, чуть было не поломав стойки шасси. Бросившиеся к самолету техники и солдаты роты охраны помогли экипажу выбраться из машины. Пилота пришлось выносить на руках, у него только и хватило сил, чтобы открыть люк, отстегнуть ремни и упасть на пол кабины в лужу собственной крови. Молодой, безусый двадцатилетний парень держался до последнего и потерял сознание, только посадив самолет.

Подбежавшие к машине санитары сняли неумело наложенную поверх штанов повязку. Задышающийся от быстрого бега полковой врач Арсений Михайлович сунул первому попавшемуся человеку свой чемоданчик и склонился над пациентом. Работал военврач третьего ранга быстро, благо недостатка в помощниках у него не было. Только после того как Арсений Татаринов извлек из раны осколок и наложил швы, летчика унесли в медсанчасть.

Остальные самолеты сажались, как положено, летчики вовремя сбрасывали скорость и старались подкатить машины к своим стоянкам. Вид приземлившегося пятым самолета заставил перекреститься даже коммунистов и убежденных атеистов. Никто не мог понять, как самолет вообще долетел до аэродрома, как он держался в воздухе? На бомбардировщике места живого не было.

Половина стабилизатора оторвана, консоли и фюзеляж сплошь в пробоинах. Аккуратные строчки пулеметных очередей и рваные дыры от снарядов, в иную собака проскочит. Кожух правого мотора сорван, элерон болтается на тягах. Башня стрелка-радиста разбита напрочь, ШКАС искорежен вплоть до того, что прицел срезан осколком и ствол иссечен.

Однако бывают в этой жизни чудеса. Оба мотора дотянули избитую машину до аэродрома, бензин не загорелся, стойки шасси нормально вышли и зафиксировались замками. А самое удивительное – никто из экипажа не получил ни царапины. Бывает и такое.

Спустившийся из кабины летчик протолкался сквозь облепивших самолет однополчан.

– Да живой я, живой. Тише, блин горелый! Ребята тоже живые, сейчас выберутся.

Отойдя на пару десятков шагов от бомбардировщика, младший лейтенант Нефедов обернулся, сорвал с головы летный шлем и замер. Готовая сорваться с его губ грубоватая шутка примерзла к языку. Глаза младшего лейтенанта буквально полезли на лоб.

– Мать твою за ногу! – только и смог выдавить из себя летчик. До этого момента он и не подозревал, во что превратили его машину зенитные снаряды и пулеметы вражеских истребителей.

Из кабины самолета все воспринимается немного по-другому. Показания приборов в норме, дисбаланс нагрузки на рули устраняется триммерами. А стрелку-радисту Кузнецову вообще повезло, что в тот момент, когда два «Харикейна» разносили пулеметами верхнюю

башню, он выцеливал из нижнего пулемета англичанина, пытавшегося поднырнуть бомбардировщикам под брюхо.

– Восемь приземлились. Трое кружат, – мрачным тоном негромко проговорил Овсянников.

– Иванов передавал, что сбили семерых. Значит, еще шестеро топают следом, – попытался ободрить командира Селиванов. Ради такого дела, как встреча экипажей, военинженер бросил дела и присоединился к полковому командованию, в данный момент плотной группой державшемуся на краю летного поля недалеко от домика КП.

– Помнишь экипаж Ковалева? – скривился старший политрук Абрамов. Эту потерю полит перживал больше всего. Поверить не мог, что вот так вот, уже вырвавшись из огня, и...

– Да-а. – Савельев непроизвольно опустил глаза. – Бывает и так.

Сопровождавший машину Ковалева старший лейтенант Журавлев вернулся на аэродром сразу после того, как приземлился последний самолет группы Овсянникова. Нахмурившийся летчик, покусывая губы, доложил, что видел, как горящая машина рухнула на землю над прибрежными дюнами. Из самолета никто не выпрыгнул.

– Летит! – прокричали с вышки управления полетами.

На горизонте появились две точки. Еще через четверть часа подошла тройка «ДБ-3». У командира звена и одного ведомого отказало по мотору. Второй ведомый не покинул товарищей и шел за ними следом, сбросив обороты моторов до минимума.

– Ну, Ваня, пора и тебе двигать, – Овсянников по-дружески хлопнул заместителя по спине, – ни пуха, ни пера.

– К черту! – привычно ответил Чернов и коротко добавил: – Прорвемся.

Доложившийся к этому моменту по форме Андрей Иванов рассказывал, что над Шотландией их встретили истребители. Противник вовремя обнаружил группу, явно радиолокатором. Пришлось прорываться с боем. Повезло, что истребителей у противника было немного и зенитный огонь слабый.

Четверых потеряли при подходе к цели, трое были сбиты на обратном пути. Воздушные стрелки записали на свой счет трех «Харикейнов». Бомбометание провели с высоты 2000 метров, одновременно отбиваясь от «Харикейнов» и «Спитфайров». Бомбы большей частью легли на территорию завода, это точно. Каков ущерб, капитан Иванов уточнить не мог, но пожары были, и не один.

– Экипажи Плиева и Тимохина выбросились с парашютами, – докладывал Иванов, – Зинин упал в порту. Из самолета никто не выпрыгнул.

– Остальные?

– Что сказать про остальных? – прищурился капитан. – Володихин сгорел, машина упала на город. Семена Машкина подбили самым первым, отстал от группы. Что с ним, не знаю. Остальных не видел.

– Треть группы, – вздохнул Овсянников. – Отдыхай, капитан, и ребята пусть отдыхают. Завтра в семь утра построение.

Глядя вслед сторбленной фигуре капитана, Иван Маркович еще раз глубоко вздохнул и полез в карман за портсигаром. Такие потери! А день-то еще не закончился. Выкурив папиросу, Овсянников немного успокоился – ребят уже не вернуть, а жить надо. Нечего нос вешать, завтра по планам всего две цели, и обе в досягаемости «Ме-110». Эскадрильи пойдут в бой с истребительным сопровождением.

По дороге к столовой подполковник остановил встречного солдата и попросил его найти и пригласить в штаб полка к четырем часам капитана Гайду. За этот день на Овсянникова свалилось столько хлопот, что он совсем забыл об особисте и его делах. А дела у Михаила Гайды ох какие интересные и хлопотные. Овсянников дорого бы дал, чтоб со стороны особого отдела и аэродромной охраны вопросов не было, но не получается. Не у себя дома находимся,

на оккупированной немцами территории. Вот и возникают на этой почве дурные вопросы и лишние проблемы.

К слову сказать, вскоре выяснилось, что особист с утра взял с собой отделение автоматчиков и уехал в Ла Бурж. Заматавшийся Овсянников совсем забыл, что Гайда сегодня собирался пообщаться со своими немецкими коллегами и, если удастся, окончательно вбить в головы мэра и его присных, что трогать советских солдат опасно для жизни.

Особистом полковник был доволен. Нормальный мужик Михаил Иванович. Дело знает туго и с людьми держится ровно. Хорошая черта, и как в свое время подметил Иван Чернов, редкое дело для малиновых петлиц.

Может, все дело в том, что Гайда в молодости закончил филологический факультет МГУ? Нет, тоже не причина – Овсянников за свою жизнь повидал немало людей, встречался ему разный контингент, в том числе и натуральная образованщина. Этим словом Иван Маркович именвал кадры вроде бы прилично воспитанные, образованные, из интеллигентной среды, но, по сути, натуральное старорежимное дерьмо в пенсне. Пока молчит, его еще можно терпеть, но как пасть раззявит, так и хочется взять из солдатской портомойной старье, заношенные портянки и запихнуть их в гражданина заместо кляпа.

Михаил Иванович не таков. С людьми на равных, если это не мешает службе. Весной этого года было дело, полк тогда после финской в крымских Саках базировался, солдатик-первогодок рванул в самоволку к местной красавице. И мало того что рванул, так еще пост бросил. По-хорошему светили щенку трибунал и дорога в дальние края, где и медведь за красавицу сойдет. Повезло, дело первым дошло до Гайды. Особист разобрался, вопрос замял, заставил ребят написать нужные рапорта. Паренек-самоход, конечно, получил свое по самые гланды, месяц из нарядов не вылезал, зато без судебного заседания обошлось.

Дождаясь возвращения капитана Гайды, подполковник созвонился со штабом и поинтересовался, когда до Ла Буржа доползут вагоны с полковым имуществом? По данным на вчерашний день, эшелон все еще идет по Германии и никак не может добраться до полка. Неужели французы линию Мажино восстановили? В ответ Овсянников получил стандартные заверения:

– Не беспокойтесь, товарищ подполковник, тылы подойдут. Небольшая задержка на железной дороге. Проблема решается.

– А как мне самолеты ремонтировать, если половина хозяйства инженерной службы застряла в этом треклятом эшелоне? Где медикаменты? Откуда я возьму полсотни моторов? Ась? Не слышу. Говорите громче, – издевательским тоном переспросил командир полка и, не давая интенданту опомниться, с нажимом потребовал: – Где мои оружейники? Где второй врач и фельдшеры? В немецкий госпиталь, говорите, раненых отправлять? А когда до моего полка десять автомобилей дойдут? Вы их что, на своем горбу тащите? Соедините меня с Семеновым. Когда будет? Хорошо, перезвоню через три часа.

Швырнув трубку на рычаг, Иван Маркович подмигнул связисту.

– Вот так, младший лейтенант, надо с тыловиками разговаривать.

– Думаете, привезут?

– А куда они денутся? Мы на переднем крае, за снабжением нашей дивизии сам Чкалов следит. – Упоминая знаменитого заместителя главкома авиации, Овсянников широко улыбнулся.

Он помнил, как Валерий Чкалов в декабре прошлого года неожиданно-негаданно прилетел на их аэродром и, ознакомившись с ситуацией, устроил жуткий разнос тыловым службам. На следующий день, нет, уже к вечеру у всего личного состава было новенькое зимнее обмундирование. Командир БАО выкопал и запустил подогреватели моторов. Даже солдатам аэродромной охраны организовали горячий чай на посты и пулеметные вышки. Нет, что бы всякие штатские ни говорили, а Валерий Павлович был летчиком и остался летчиком, несмотря на кабинетную работу.

Проблема между тем никуда не делась – полк не обеспечен тылами, патронов и авиабомб на пять вылетов, людей мало, ремонтировать самолеты нечем. Запасных авиамогоров и пулеметов раз-два и обчелся. Хорошо, горючки – хоть залейся. Прямое снабжение с баз люфтваффе. С продовольствием тоже пока хорошо, немецкий комендант включил все авиачасти в первоочередной список, не разбирая своих и чужих. Да, с немецкой администрацией Тойво Матисович быстро нашел общий язык – и он, и майор Вильгельм Акст – оба из крестьян, оба основательные, запасливые и немного прижимистые.

Время за работой течет незаметно. Засидевшись за разбором заявок инженера и командира БАО, Овсянников даже не заметил, как подошло расчетное время возвращения группы Чернова. От работы Ивана Марковича отвлекли громкие крики, доносящиеся с улицы. Вскоре их перекрыл шум моторов. А еще через двадцать минут в комнату ввалился уставший, с кругами под глазами, пропахший порохом и моторным маслом майор Чернов.

На этот раз ребятам повезло, группа точно вышла к цели, нанесла удар и ушла в сторону моря, пока англичане поднимали перехватчики. Овсянников не верил своим глазам и ушам, но потерь не было. Все экипажи вернулись целыми и невредимыми.

Глава 7

Каменные мостовые

Гайда вернулся на аэродром только поздно вечером.

– Ну, рассказывай. – Овсянников поднял глаза на распахнувшего дверь особиста.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – козырнул в ответ капитан Гайда, необычное поведение для особиста, в среде авиаторов не было принято злоупотреблять официальными уставными фразами.

– Давай без церемоний, – поморщился Иван Маркович. – Симашко, принеси кофе.

Посыльный молча поднялся со стула и выскочил из комнаты, прихватив пустой термос.

– Дела, как сажа бела, но все у нас хорошо, – в голосе Михаила Ивановича звучала неестественная, чуточку истеричная веселость. Как будто мужик был немного навеселе. Хотя запаха нет и глаза серьезные. Явно особист чем-то серьезно расстроен, еле сдерживается, чтоб не долбануть кулаком по столу или головой об стену. Не похоже на сдержанного, уверенного в себе Михаила Гайду.

Бросив на вешалку фуражку и реглан, оперуполномоченный особого отдела понуро, как побитая собака, доковылял до окна и опустился на стул. Овсянников молча отодвинул в сторону бумаги, прикрыл их папкой и потянулся за папиросой. Не стоило первым начинать разговор, пусть Гайда придет в себя, расслабится, а там сам все выложит, что его гложет.

Сизый дымок свивается кольцами, тянется к беленому потолку комнаты. Уютно здесь: чистое помещение, веселенькие обои на стенах, добротная мебель. Даже занавески на окнах свежие, выстиранные, как будто это не штабное помещение полка, а нормальная обжитая квартира в Москве или Ленинграде. Иногда на Ивана Овсянникова накатывало наваждение – сейчас откроется дверь, и на порог ступят Надежда и Петька с Ингой. Нет, все это мечты оторванного от семьи подполковника. Жена с детьми остались в Крыму. Здесь же, вон – сидит у окна наспуленный сыч в форме, глазами пол буравит.

Пауза затягивалась, Гайду прорвало только тогда, когда Симашко вернулся с термосом и разлил по кружкам дымящийся черный кофе. Особист буквально вырвал из рук посыльного кружку, сделал большой глоток, поморщился от обжигающего глотку напитка, чертыхнулся и тихим голосом повел свой рассказ.

Еще три дня назад, в тот вечер, когда местные бомбисты устроили налет на аэродром, особист успел лично допросить пленных. Работал Гайда жестко, без церемоний, и французы особо не запирались. Правда, и знали они немного. Это была мелочовка, расходный материал Сопротивления, пешки. Кое-что выяснить удалось, но без местных агентов, вынужденный каждый свой шаг согласовывать с немецкой администрацией, воспользоваться информацией и раскручивать на ее основе ниточки Гайда не мог. Работа особиста на чужой территории имеет свои весьма неприятные особенности.

На следующее утро капитан забросил в кузов полуторки бомбистов, как живых, так и мертвых, прихватил с собой отделение солдат и укатил в город. Первым делом он заглянул в фельджандармерию. Там особист сдал под роспись арестантов и трупы налетчиков, плотно поговорил с коллегами и заручился их поддержкой. Командовавший подразделением военной полиции обер-лейтенант Клаус Мюллер, однофамилец знаменитого шефа гестапо, прекрасно понимал проблемы и заботы своего советского собрата по оружию. У немца тоже голова болела от выходов подпольщиков.

Обрадованный подарком в виде настоящих повстанцев и получив намек: дескать, наши отчеты в ваши службы не попадают, можете записать отражение налета и взятых с поличным бомбистов на собственный счет, обер-лейтенант Мюллер легко согласился помочь капитану

Гайде в одном маленьком деле. «Мы же арийцы, камрад. Если Гитлер со Сталиным договорились, нам, простым офицерам, грех не поладить». Именно этого Михаил Иванович и добивался.

Право самостоятельно работать «в поле», отписываясь задним числом, дорого стоит, оно зачастую не только бережет время, но и позволяет добиваться результата тогда, когда официальные пути и регламенты не дают возможности опередить противника. К тому же Гайда не хотел посвящать немецкую военную полицию и гестапо во все тонкости и нюансы своей работы. Как он объяснял Овсянникову, не нравились ему некоторые методы работы немецких товарищей, слишком многое у троцкистов копируют.

Покончив с официальной частью и заручившись поддержкой немецкой администрации, Михаил Иванович совершил свой первый за этот день полуофициальный визит.

Естественно, дорога оперуполномоченного особого отдела лежала в мэрию. Сверкающая свежей краской полуторка подлетела прямо к парадному входу в старое здание с колоннадой на центральной площади. Полудюжина вооруженных автоматами и карабинами солдат в гимнастерках с советскими знаками различия во главе с капитаном Гайдой ворвалась в здание.

Ставшие нечаянными свидетелями этого мероприятия солдаты немецкого патруля посчитали, что так и должно быть, посему спокойно прошли мимо мэрии. Впрочем, на случай незапланированного вмешательства немецкой полиции у капитана с собой были все необходимые бумаги и разрешения.

Раззадоренные своим командиром красноармейцы разогнали всех оказавшихся в вестибюле обывателей и сотрудников мэрии по кабинетам, попутно перепугали до смерти вахтера, да так, что бедолага спрятался под стойку и тихонько сидел там, молясь всем святым, пока грозные посетители не поднялись вверх по лестнице.

Кабинет мэра отыскался на третьем этаже. В коридоре пусто, только одна из дверей захлопнулась при приближении советского патруля. Удобно французы сделали – на всех дверях не только номера, но и надписи, поясняющие, что там за дверью находится.

Капитан Гайда первым распахнул дверь в приемную. Следом за ним ворвались солдаты. Вскочившую на ноги и дернувшуюся было к кабинету мэра секретаршу, раскрасневшуюся большегрудую шатенку в зеленом платье, остановили короткой требовательной командой: «Хальт!» Затем плотный коренастый офицер в кожаном реглане, с красной звездочкой на кокарде фуражки, в знаках различия девица не разбиралась, галантно поклонился и на сносном французском попросил девушку не нервничать и наслаждаться выдавшейся минутой отдыха. Гайда никогда не пропускал возможность попрактиковаться, освежить полученные в университете уроки языка.

– Жизнь есть жизнь. Мадемуазель, не стоит ее тратить на суетные вещи, сиюминутные удовольствия и жирного борова с повадками мелкого лавочника. А у вас прекраснейший вид из окна. Только посмотрите на этот пейзаж! Старый город. Плывущие по небу облака, кусочек леса, выглядывающий из-за собора. Не хватает только паруса на горизонте. Если бы я был художником, я бы нарисовал картину. Поверьте, это стоит того, хоть и не сравнится с вашей прелестной обворожительной улыбкой. А пока я оставляю вас, мадемуазель, в обществе этих молодых, подтянутых ребят. Ферштейн? – сразив секретаршу наповал этой тирадой, Михаил Гайда приказал двоим бойцам остаться в коридоре и никого не выпускать.

Еще раз улыбнувшись девушке, оперуполномоченный резким ударом распахнул дверь кабинета и решительно шагнул через порог. Вот с месье Жаном Мари Балера, в отличие от симпатичной шатенки, особист не церемонился. Попытавшийся поначалу возмущаться и качать права мэр был быстро осажен и поставлен на место. Дело несложное, месье Балера, несмотря на кажущуюся внешнюю представительность и самоуверенность, пациентом оказался легким до безобразия. Под маской сильного, твердого, успешного человека скрывалась трусоватая душонка мелкого подловатого жулика, готового предать всех и вся, лишь бы его не трогали.

Сникнув под суровым взором нависшего над ним Гайды, покрывшийся багровыми пятнами мэра вскоре униженно просил прощения и клялся, что впредь такого больше не повторится. Между тем особист пока только в общих чертах обрисовал цель своего визита, о вчерашнем налете экстремистов на аэродром и речи не было.

Когда же уставший от заискивающих мольб и признаний в искренней преданности Гайда в двух словах сообщил, что некоторые горожане пытались протащить под колючкой ограды взрывчатку, и чем это все закончилось, Жан Мари Балера совсем с лица спал. Щеки мэра обвисли и побелели, на лбу выступила испарина, глазки суетливо перебегали с лица капитана Гайды на стол, в сторону окна и обратно.

Выдавлив из себя жалобный стон, Балера пустился в объяснения, причем большей частью косноязычно врал. Нет, месье жандарм, я не виноват, я не знаю этих людей. Да они все люмпены, они и раньше были крайне подозрительны. Я уже рассказывал герру коменданту. Я лично прослежу, чтоб никто из горожан не смел даже смотреть косо в сторону доблестных русских и немецких воинов.

Это ужасная ошибка. Я не верю, чтобы добропорядочные граждане, словно какие-то бандиты, диверсанты с оружием в руках... Нет, это невозможно. Была у нас одна группа Сопrotивления. Страшные люди, месье капитан. Они настоящие бандиты, убийцы. Почему я не заявил в фельджандармерию? Я боюсь. Они угрожали убить мою семью. Эти мятежники страшные люди, для них кровь, как вода.

Разумеется, страстная исповедь мэра особиста не удовлетворила. Разве что в качестве бесплатного урока французского языка. Подлец Балера что-то скрывал, пытался запутать Гайду потоком словесного поноса. Шалишь, не на такого напал!

Допрос продолжился. После открытого намека на возможность и горячее желание капитана Гайды организовать мэру личную встречу с апостолом Петром, а его дочери предоставить незабываемый тур по немецким концлагерям, месье Балера выложил все подчистую. Рассказал, кто из горожан заподозрен в связях с Сопrotивлением, кто появился в городе сразу после установления Нового Порядка и кто из старых налетчиков продолжает заниматься своим ремеслом на пустынных дорогах.

В этот же день и на следующее утро особист произвел еще несколько неофициальных и полуофициальных визитов. В отличие от мэрии, вел он себя везде прилично. Просто визит устраивался так, чтоб совершаться на глазах максимального числа свидетелей, заставляя обратить на происходящее внимание соседей и любопытных. С помпой, на своей полуторке Гайда подкатывал к дому подозреваемого в связях с Сопrotивлением человека и заглядывал к нему в гости под любым подходящим предлогом. Естественно, сопровождавшие капитана красноармейцы демонстративно ждали командира на улице у подъезда.

Разговоры с жертвами своих визитов Михаил Гайда вел долгие и все больше ни о чем. Расспрашивал об обстановке в городе, пытался вытянуть человека на искренность, как бы между делом интересовался подозрительным элементом. Наивная, простоватая хитрость недалекого служаки. Полученные таким образом сведения капитана совершенно не интересовали, да и не сказали бы ему ничего стоящего.

Главной целью этой бурной и «бестолковой» деятельности было внести смятение в ряды враждебного элемента, дискредитировать своим визитом осведомителей и участников Сопrotивления, замутить воду, заставить противника нервничать, подозревать своих и в итоге снизить активность. Реально заниматься сыскной работой и подменять собой гестапо и фельджандармерию Михаил Иванович не собирался.

Впрочем, не все контакты были бесполезными, не все сказанное французами оказалось пустыми словами или ложными сведениями. Хозяин кафе «Морской бриз» с перепугу подумал, что если дело так пойдет и дальше, и русский не получит ничего, то он может зачастить в кафе и распугать всех постоянных клиентов. Решив пожертвовать малым ради спасения сво-

его дела, рестораник намеренно проболтался, что у него за столиком на веранде собирается крайне подозрительная компания. Все молодежь, двое «вольных художников», в компании выделяется мужчина средних лет с выправкой кадрового офицера. Он-то и является заводилой. Уставший от мотания по городу Гайда не придавал этому сообщению особого значения и в тот же день, заглянув на рюмку чая к обер-лейтенанту Клаусу Мюллеру, поделился с ним оперативной информацией.

– Ты это все уже рассказывал, – бесцеремонно оборвал словоизлияния особиста Овсянников. Подполковнику начала надоедать спонтанная исповедь капитана. Впрочем, короткая фраза командира полка произвела эффект пустого сотрясения воздуха, Гайда даже не обратил внимания на слова подполковника.

– До сих пор не пойму: какого фига я ляпнул Мюллеру про эту группу? – сокрушался оперуполномоченный.

Мужику явно было плохо. Настолько плохо, что он даже не обращал внимания на посторонних.

– Симашко, найди старшего политрука Абрамова, передай приказ: быть готовым к завтрашнему построению, – подполковник резко повернулся к притулившемуся в углу у двери и прислушивавшемуся к разговору посыльному.

– Благодарю, – вяло протянул Гайда, когда за рядовым закрылась дверь, – совсем я сегодня расклеился. Мышей не ловлю.

– Бывает. Так что там с этими экстремистами?

– Да какие они экстремисты! – возразил особист.

Все оказалось гораздо хуже и неприятнее, чем можно было помыслить. Обер-лейтенант Клаус Мюллер серьезно отнесся к полученной от русского коллеги информации. Он в тот же вечер активизировал и переориентировал всю свою агентуру. К слову сказать – контингент еще тот. Половина уголовники, половина до сих пор на свободе только благодаря лени французской полиции и оккупационных властей. Есть, конечно, и идейные, но эти еще хуже.

Кто-то что-то вынюхал, или подслушал, или подсмотрел – агентурная работа всегда святая святых, посторонние в нюансы и конкретику не посвящаются. За ночь немецкие шпики выяснили и доложили обер-лейтенанту все, что было нужно. Полдня на рекогносцировку и уточнение местонахождения объектов. Уже в обед Клаус Мюллер позвонил капитану Гайде и срывающимся от возбуждения голосом попросил русского специалиста принять участие в арестах и допросе.

Почувствовав пятой точкой, что дело неладно, особист примчался в фельджандармерию. По счастью, никого с собой не взял, приехал за рулем гарнизонной «эмки». Здесь-то его и ввели в курс дела. Выданная рестораником группа действительно участники Сопrotивления. И хуже того, по некоторым данным, связаны со «Свободной Францией» генерала де Голля. Редкий шанс – одним ударом снять проблему подполья и заодно поквитаться за все взрывы, покушения и убийства.

Сам Гайда отнесся к энтузиазму Мюллера с известной долей скепсиса. По его опыту в жизни так просто не бывает. Настоящие подпольщики заботятся о своей шкуре и не обсуждают планы налетов на аэродромы и штабы в уличном кафе. Другое дело, не он принимал решение. А от совета: не торопиться, взять группу под наблюдение и попробовать накрыть всю сеть, молодой командир военной полиции отмахнулся.

– Не будем ждать, камрад, возьмем всю банду и заставим выдать подельников. лягушатники люди разумные, запираются не будут. Да и нет здесь разветвленного подполья. У нас в 30-х было хуже. С коммунистами справиться сложнее, – поняв, что сморозил бестактность, обер-лейтенант смущенно улыбнулся. Дескать, извини, товарищ, не подумал.

Гайда сделал вид, будто не понял последние слова Мюллера. В конце концов, перед ним обыкновенный национал-социалист, человек с промытыми пропагандой мозгами. Что взять

с убогого? Про себя же он решил держать ухо востро и в случае чего действовать по обстановке. У Клауса свое начальство и своя голова на плечах, а восстанавливать местных против своих однополчан Гайда не хотел. Полученная сегодня утром сводка из штаба дивизии однозначно говорила, что воздушное наступление на Англию идет совсем не так, как об этом пишут в немецких газетах. Явно советскому контингенту придется задержаться на военной базе Ла Бурж не на одну неделю.

Немцы умеют работать. Спешно подготовленный захват прошел без сучка и задоринки. Группу взяли на веранде кафе «Морской бриз». Собравшиеся за столиком молодые люди даже не поняли, что кафе находится под плотным наблюдением. По мнению Гайды, уже одно это с головой выдавало в ребятах дилетантов. Два грузовика с тентами, припарковавшиеся на боковых улочках недалеко от заведения. Легковушка напротив входа. Да еще веселая, на первый взгляд, «перегретая» компания оккупантов у барной стойки. Сам Гайда никогда в жизни не провел бы так операцию, но командовал обер-лейтенант Мюллер, и ему сегодня невообразимо везло.

Четверо молодых людей беззаботно тянули недорогое вино под легкую закуску, когда на веранду поднялся сухопарый, жилистый мужчина средних лет в поношенном бежевом костюме.

– Это он, – прошептал бармен, наклонившись к уху Клауса Мюллера.

– Прозит! – пьяным голосом проорал офицер и запустил пивную кружку в окно.

Это и послужило сигналом. Повстанцы не успели оглянуться, как их окружили. Попытавшегося было перепрыгнуть ограду веранды месье в светлом костюме сбили с ног. К кафе подлетел грузовик, и из кузова посыпались солдаты. Внешне безалаберная подготовка, отсутствие какой-либо маскировки и безукоризненно четкое задержание. Как потом рассказывал Клаус Мюллер, малопопулярный, но результативный прием – группа захвата размещается открыто, как будто так и должно быть. Все дело в обывательской психологии людей, ничего не смыслящих в реальной полицейской работе.

Плотно упакованных экстремистов закинули в грузовик и увезли в фельджандармерию. К допросу приступили не мешкая, чтоб не дать задержанным прийти в себя, сориентироваться в обстановке. Вот тут-то Гайда и пожалел, что не прикусил вовремя язык. Ребята действительно оказались бойцами Сопротивления.

Четверо молодых парней, восторженные романтики и патриоты родины, готовые на все ради свободы. Привычный, заурядный, в принципе, контингент. Податливая глина, из которой опытный мастер может вылепить что угодно по своему разумению. А вот пятый! Пятый оказался сложнее.

Присутствовавший на первом допросе Михаил Иванович дорого бы дал, чтобы этот человек избежал ареста или, по крайней мере, погиб при задержании. Бывший капитан французской армии Николя Ренар, 46 лет, кадровый военный, после разгрома 9-й армии попал в окружение, избежал плена и осел в Ла Бурже. Сначала Николя Ренар играл роль простого солдата разгромленной армии, не желавшего больше воевать и с трудом, но адаптировавшегося к мирной жизни. При другом раскладе это могло прокатить. К несчастью, обер-лейтенант уже знал, что работает с активистом Сопротивления.

После того как раздраженный Клаус Мюллер распорядился перейти к жесткому пресингу, выявились новые подробности. Взрыв моста под армейской автоколонной, налеты на комендатуры в деревнях, похищение и убийство военного врача – вот неполный перечень подвигов капитана Ренара. Кроме того, сам Ренар и двое попавшихся вместе с ним молодых людей оказались активистами французской компартии. Вот это было серьезно, по крайней мере, для Михаила Гайды.

Дальнейшая судьба французов была ясна. Для капитана Ренара война закончилась. Это в лучшем случае. Скорее всего, его ждет расстрел. Остальным грозит тюрьма, если начальство Мюллера не пойдет на вербовку.

– Значит, местных коммунистов сдал? – хмыкнул Овсянников. – Совесть бедняжку замутила. А то, что они под твою задницу бомбу закладывали? Это как?

– Да непричастны они к нашему случаю! Это совершенно другая группа работала.

– И где же те?

– Легли на дно. По крайней мере, никого ни я, ни немцы не поймали. И полиция не выявила, – незаметно для себя Гайда перешел на нормальный деловой тон.

– Я все понимаю. Вроде своих подставил, но если кто из местных мне самолет сожжет или кто-нибудь из наших пропадет или в канаве утонет, смотри, оперуполномоченный особого отдела, с тебя спрос. Делай выводы.

– Значит, на войне как на войне? – криво усмехнулся Гайда.

– Считаю, что так, – подытожил командир полка. – Я тебя вообще-то по другому поводу приглашал. Посоветоваться надо.

В глазах особиста загорелся огонек, апатия прошла, сейчас перед Овсянниковым сидел чуточку уставший, умный, готовый выслушать и разобраться в проблеме товарищ. Вот за это Иван Маркович и ценил Михаила Гайду.

– Как я понимаю, после первого удара по врагу режим секретности ослабляется. Ни для кого не секрет, что мы базируемся во Франции, не секрет, что мы здесь делаем. Впрочем, раньше тоже особого секрета не было. Надо решить вопрос с увольнительными в город. Людям нужен отдых, не все же время на аэродроме куковать.

– Требуется согласование с моим ведомством?

– Верно мыслишь. Рапорт Семенову я подготовил, нужна твоя подпись.

– Давай бумагу, – улыбнулся особист, – но учти, командир, ты этим делом мне работы и головной боли добавил. А если что произойдет?

– Вот и будем вместе думать с тобой и Абрамовым, чтоб не произошло. Он со своей стороны проинструктирует, ты со своей, а я добавлю – лишнего не болтать, с местными особо не дружить, быть готовым к провокациям.

– Провокации будут. Как пить дать будут. Не знаешь ты местных красавиц.

– Знаю, вот и предупреждаю: гулять можно, любить можно, но по взаимному согласию, без заявлений в полицию, и языку воли не давать.

Глава 8

Время решительных

На следующий день полк почти в полном составе поднялся на задание. Командование дивизии категорически требовало разнести к такой-то матери заводы Глостера и Челтнема. Вылет в 9:20, одновременно с самолетами 2-го и 3-го воздушных флотов люфтваффе. По мнению штабных, сей нехитрый маневр должен был снизить риск попадания под удар перехватчиков на пути к цели. Выделялось и истребительное прикрытие – целых три эскадрильи «сто десятых».

Все это летчики услышали на утреннем построении от командира полка. Стоявший перед строем летчиков, штурманов и стрелков-радистов подполковник Овсянников рубил четкими, короткими фразами, пытаясь довести до сознания подчиненных тот простой факт, что от результатов удара зависит исход войны.

– Противник силен. У него много истребителей, зениток, на побережье сеть радиолокационных станций. На стороне империалистов дерутся наемники из США, Швеции, Франции, Польши и других капиталистических стран. Гнусные шакалы, развязавшие войну, способные только на подлые удары исподтишка по мирным городам. Империалисты первыми напали на нас – без объявления войны нанесли воздушный удар по Баку и Мурманску. Мы это помним, хорошо помним.

Раньше такие дела сходили англичанам с рук, но не стоит забывать: время изменилось. Рабоче-крестьянская армия может защитить свое социалистическое отечество и поставить на место любого агрессора! Пришло время расквитаться с надменными лордами. Настал час возмездия. Наша армия и немецкие товарищи загнали британский колониализм в угол, заставили бежать в родную нору. Но мы его достанем и там!

Вчера наша дивизия уже в полную силу громила военную промышленность противника. Мы показали империалистам, что советская дальнебомбардировочная авиация существует не на бумаге, как пишут их продажные газеты. Пусть не надеются. Мы можем, и мы должны уничтожить авиационные и моторостроительные заводы, разбомбить вражескую авиацию на аэродромах, сжечь его порты. Мы должны взломать вражескую стратегическую оборону. Только тогда станет возможным форсировать пролив и добить агрессора в его логове!

– Эка его понесло, – Макс Хохбауэр чувствительно толкнул Ливанова локтем в бок, – почти как Абрамов, жжет сердца глаголю.

– Тихо, – прошипел в ответ Владимир.

Ливанова больше интересовала не политическая обстановка, а куда более прозаическая метеорологическая обстановка в районе цели. Империалисты никуда со своего Острова не сбегут, а вот погода может подгадить. Тем более что над головой плывут низкие облака, и ветерок дует не менее четырех баллов.

Прошло еще пять минут, Овсянников выдохся и, к всеобщему облегчению, махнул рукой специалистам: дескать – ваша очередь. Доложивший сводку сразу после командирского внушения метеоролог успокоил летчиков – погода ожидается летная, над южной и средней Англией малооблачно. Скоро и у нас развеет.

– Принять дополнительные бомбы в перегруз! – потребовал Овсянников, как только метеоролог закрыл свою тетрадь и, кашлянув в кулак, бросил на командира вопросительный взгляд. – Командирам эскадрилий и звеньев по 1500 килограммов, остальным по 1200.

В строю зашептались. Нет, «ДБ-3» вполне позволяет такие фокусы, особенно если цель недалеко, но высоту больше шести тысяч не наберешь, и перегруженная машина не любит

резких маневров. Для дневного полета в зоне плотной вражеской ПВО – это недостаток существенный, даже с эскортом.

– Подожди, – Макс опять пихнул готового было выматериться Владимира, – вон смотри, Петро скачет, небось новый приказ несет.

– Твои слова да комдиву в уши, – буркнул в ответ Ливанов. В глубине души он надеялся, что штурман не ошибается.

Действительно, со стороны КП приближался лейтенант Козулин, получивший сегодня дежурство «в подарок» за то, что вчера его бомбардировщику как следует досталось от зениток, и механики не успели подлатать машину. Подбежав к командиру, Козулин молча вырвал из планшета листок и протянул подполковнику. Овсянников буквально впился глазами в текст. Затем повернулся к Чернову и Савинцеву, что-то коротко сказал, выслушал ответы.

Ливанов с интересом глядел на командира. Полученный приказ и так не внушал особого оптимизма. Интересно: что там за бумажку притащил Козулин? Опыт однозначно говорил, что такие срочные приказы ничего хорошего для экипажей не несут.

– Товарищи, пришел новый приказ, – улыбнулся подполковник. – Сегодня мы работаем по переднему краю вражеской обороны. Цели на побережье и в ближнем тылу. Удар наносим четырьмя группами поэскадрильно, совместно с немецкими товарищами и под плотным истребительным прикрытием.

– А потери вчера у немцев были серьезные, – негромко пробурчал лейтенант Гордеев.

– Кто сказал? – Макс резко повернулся к товарищу.

– Слышал, как «два Ивана» вечером у КП спорили. Чернов говорил, немцы не могут повторить вчерашнюю операцию. Сил маловато.

– Дела-а, – протянул Макс.

Ливанов не слушал товарищей, все его внимание занимал Овсянников. Командир оказался молодцом – быстро перераспределил авиагруппы по новым целям. Первой эскадрилье, в которую входил экипаж Ливанова, досталась радиолокационная станция, сам Владимир предпочитал называть их «радиометрическими станциями», в Вентноре на острове Уайт. Наконец последовала команда: «Вольно! Разойдись!»

По сравнению со вчерашней бойней над южной Англией утренний удар 16 августа прошел сравнительно организованно и даже результативно. Противник не ожидал, что немцы сконцентрируют свои усилия на узком участке территории. В предыдущие дни воздушные флоты распыляли свои силы, стараясь уничтожить абсолютно все в радиусе действия своих самолетов. Поэтому перехватчиков в начале сражения было мало, и их быстро разогнали «Мессершмитты».

Поняв свою ошибку, англичане подняли и перебросили к побережью дополнительные эскадрильи перехватчиков. Естественно, все это заняло определенное время, и свежие силы подтянулись к шапочному разбору. Всего за пару часов силы двух воздушных флотов люфтваффе, в том числе советская дальнебомбардировочная дивизия, уничтожили сеть радиолокаторов на побережье, вывели из строя часть аэродромов, разбомбили полевые укрепления.

– Командир, держи на боевом! – Макс вцепился глазами в цель.

И как он только разглядел что-то интересное среди сплошных клубов черного дыма и пламени пожаров? К черту, все лишнее! Владимир Ливанов качнул штурвал вперед, выводя бомбардировщик на боевой курс. Макс сейчас согнулся в штурманской кабине над бомбардировочным прицелом и вообще ничего не видит, кроме казармы, корпуса аппаратной или серой крыши обвалованного склада.

Работа сегодня легкая, условия считаются идеальными. В небе ни одного английского самолета. Короткая схватка истребителей над Проливом и островом Уайт закончилась убедительной победой люфтваффе. Почти сотня «мессеров» в мгновение ока расчистила небо

– вогнала в землю или разогнала немногочисленные звенья смельчаков на «Спитфайрах» и «Харикейнах».

Зенитки молчат. Их позиции перепаханы бомбами и пулеметами пикировщиков. Прекрасная работа. Завоевание воздуха, подавление ПВО, и уже затем на радиометрическую станцию и прилегающие цели накатываются волны бомбардировщиков. Черные кресты и красные звезды на крыльях. Неукротимая сила десятков тяжелых машин, судороги земли, торжествующий рев моторов и грохот тротила. Уже после первого захода о какой-либо английской обороне на Уайте можно было забыть. Досаждавшая союзникам станция разнесена на куски, перепахана и перекопана взрывами.

На выходе из атаки Владимир видел, как покачнулась и медленно завалилась набок антенная башня. Трудно сказать, кто ее завалил. На цель одновременно заходили лейтенант Гордеев и немецкий «Ю-88». А затем огоньку добавили еще два «Юнкерса».

Вывалив в первом заходе половину нагрузки, экипажи перешли к свободной охоте. Старший лейтенант Ливанов повел свою пару к замеченной им еще на подходе к цели группе зданий, напоминающей армейский лагерь или крупный склад. В небе над лагерем уже вилась эскадрилья «Юнкерсов», а на земле выросли грязные, с огненными прожилками кусты разрывов. Ничего, для такой цели еще тонна бомб лишней не будет.

Что там внизу, не разберешь. Почувствовав, как самолет подпрыгнул, освобождаясь от бомб, Владимир удовлетворенно отметил, что даже если Хохбауэр промахнулся, ничего страшного в этом нет. Если не прямо в цель, так осколками рубануло куда надо.

– Не задерживаться. Собираемся над деревней, – прохрипело в шлемофоне голосом капитана Дубняка.

– Старший лейтенант Ливанов вас понял, – отозвался Владимир. И то верно, пора закругляться.

Восьмерка «ДБ-3» собралась над затерянной между реденькой посадкой и узкими полосками полей крошечной деревенькой в полном составе. Короткий взгляд на машины товарищей: все на месте, все целы, никто не горит. Повреждений не видно. Работа сделана – можно идти домой.

Тем временем над проливом между Уайтом и Британией появились вражеские истребители. Им навстречу сразу же рванули «сто девятые». На этот раз небо над полем боя полностью принадлежало нашим. Подтягивавшиеся разрозненные группы англичан встречались и рассеивались сплоченными штаффелями (эскадрилья люфтваффе) истребителей сопровождения.

А нам пришло время возвращаться домой. Поймав себя на мысли, что он называет домом аэродром Ла Бурж, Ливанов недоуменно фыркнул – что только в голову ни придет! Временный аэродром, временное жилье в относительно уютном одноэтажном ДНС (Дом начальствующего состава). Двухкомнатная квартирка со всеми удобствами в полном распоряжении двух летчиков.

Конечно, приятно, когда есть персональный сортир и душевая работает, но все это временное. Следовательно, не стоит и дурию маяться. Постель свежая, все вещи в чемодане, на полочке в ванной только бритвенный прибор и зубная щетка. А кто-то из товарищей даже лишние шкафы притащил со склада. Фотографии на столе расставил.

Владимир Ливанов в квартире Андрея Иванова видел даже домашние тапочки! Любит комэск расквартироваться со всеми удобствами и мещанским комфортом, как в шутку выразился помполит, пропесочивая Иванова на партсобрании за то, что тот успел в первый же день на аэродроме устроить форменное новоселье с патефоном, вином и праздничными деликатесами на столе.

Обратный полет до аэродрома для эскадрильи Дубняка прошел без приключений. К Ла Буржу они подошли вместе с группой капитана Иванова. Короткий радиообмен, и Дубняк согласился пропустить первыми третью эскадрилью. Тем более что сразу было видно – ребятам

над целью хорошо досталось. Две машины с покореженными, издырявленными плоскостями. Бомбардировщик под номером «07» тянет на одном моторе.

Только ребята сели, как в небе показались еще две группы «ДБ-3». Весь полк вернулся на аэродром почти одновременно. Хороший показатель. И потеряна лишь одна машина. Бомбардировщик лейтенанта Сергеева подбили на подходе к цели. Вскочивший из-за облаков «Спитфайр» спикировал на концевой «ДБ-3» и ударил по кабинам штурмана и летчика из всех стволов с ближней дистанции. Не повезло, просто не повезло ребятам.

Многие летчики после приземления не торопились откатывать бомбардировщики на стоянки и к капонирам. Все ждали команды на повторный вылет. Механики и оружейники, не дожидаясь приказов, заполняли самолетные баки бензином, разносили по машинам ленты к ШКАСам, потихоньку подтягивали к стоянкам бомбы. Штурманы и стрелки-радисты, пока летчики осаждали КП, помогали механикам.

Владимир Ливанов вместе со всеми пошел на командный пункт. Задание выполнено, машины скоро будут готовы к новому удару – чего ждем?! Именно так можно было охарактеризовать охвативший людей настрой. Звонить в штаб дивизии, связаться с немцами и распределять цели. Энтузиазма добавила прошедшая над аэродромом большая группа «Ю-88» и «Хе-111». Не менее сотни груженных бомбами машин.

– Ну, что собрались? – Овсянников вышел к людям и, заложив руки за спину, окинул толпу пристальным взглядом. – Помните, как вас вчера из кабин вытаскивали? А сегодня что? Орлы.

– Иван Маркович, когда вылет? Не томите душу, – шагнул вперед Гордеев.

– Будет вылет. Всему свое время. Карты, фотографии, ориентиры получите в 18:00. Работать будем по одной цели всем полком. А сейчас – разойтись.

– Ночной вылет? – дошло до Туманова.

– Точно, сами же просили. Вот и допросились. А сейчас отдыхать. Чтоб к построению все были свеженькие, как огурчики. Замечу хоть один зевок, хоть одну заспанную рожу – сниму с полетов на фиг! И штурманов предупредите. Я уже вижу, мужики побежали бомбы тягать. Всем отдыхать до вечера. С подготовкой самолетов люди Селиванова справятся.

– Поработать не дадут, – обиженным тоном протянул Дима Гордеев.

– Завтра поработаешь, будешь свою птичку штопать, – Ливанов не хотел обижать приятеля, но получилось неожиданно двусмысленно.

– Лучше латать на аэродроме, чем на парашюте болтаться, – вмешался Виктор Власов.

Делать было нечего, люди начали расходиться. Андрей Иванов заявил: кому что, а выспаться перед рабочей ночью не мешает. Пример комэска оказался заразительным. Владимир Ливанов неожиданно для себя почувствовал, что можно и не спать, но поваляться на кровати с книжкой будет нелишним. Первым делом дойти до самолета, предупредить Макса и Сергея Зубкова. Возможно, на стрелка-радиста придется прикрикнуть, уж больно рьяно он взялся помогать техникам.

Несмотря на дружеские отношения внутри экипажей, рядовой и младший командный составы все равно тяготились обществом офицеров, ребята предпочитали отдыхать и работать среди своих. Может, на ситуацию накладывался тот нюансик, что летчики и штурманы жили в отдельных квартирах ДНС, а стрелкам-радистам приходилось базироваться в казарме. Разделение существовало даже на аэродроме Ла Бурж, где казармы младших командиров и специалистов практически не уступали неплохим коммуналкам.

Размышляя над такими вот заковычками службы, Владимир Ливанов дошел до своего бомбардировщика. Действительно, и штурман, и стрелок-радист даже не подумали, что им по уставу и расписанию положено спешить в столовую. Нет, оба, засучив рукава, помогали мотористам потрошить правый двигатель. Пришлось вмешаться и, передав подчиненным приказ полкового начальства, погнать их на обед.

– Ну, прям как дети, – возмущался Владимир.

– Заработались маленько, – улыбнулся Макс, – и тебя ждали. Нехорошо в столовую поодиночке бегать, положено всем экипажем за стол садиться.

– И то верно, товарищ старший лейтенант, – поддержал штурмана Зубков.

Ливанов, столкнувшись с таким единодушием экипажа, только рукой махнул. Люди взрослые, нечего их воспитывать. Ребята у него нормальные. Только Макс немного увалень и излишне пунктуален, но это у него врожденное. Натуральный прибалтийский немец, впитавший с молоком матери аккуратность, любовь к порядку и чуть замедленную реакцию. Как Макс рассказывал, Хохбауэрам пришлось в 20-м году бежать из родной Митава в Ленинград, подальше от тамошнего фашистского режима вырвавшихся из-под имперской опеки вчерашних свинопасов и лавочников. До революции была нормальная губерния, а как получили независимость, с ходу устроили поножовщину. Всех немцев и русских выгнали, тех, кто на свою голову учил местных читать, писать и пользоваться туалетом.

Впрочем, хватит о грустном. Хохбауэры нашли себе новую родину, живут и не тужат. Если есть руки, в Советском Союзе не пропадешь. Особенно хорошо, если в придачу к работающим рукам имеется голова. Тогда точно многого достигнешь. Эх, самому бы чуточку мозгов в молодости. Тогда, глядишь, все было бы по-другому. Или нет?! Трудный вопрос. Сам Владимир, сколько ни мучил себя, а ответ так и не сыскал. Трудно, ой как трудно иногда понять, а поступил бы ты иначе или нет, если бы знал все наперед?

* * *

Тот летний вечер был не последним для Володи и Настюши. Молодые люди частенько вместе гуляли после школы. Иногда удавалось попасть на танцы. В парке по выходным играл духовой оркестр. Немного странное, наивное и незабываемо прекрасное время. Вроде уже не дети, но еще и не взрослые.

Володя всегда провожал девушку до дома. Такие вещи даже не обсуждались, так было принято. Да и самому не хотелось расставаться с Настей. Молодые люди тянулись друг к другу. Первая любовь, самая чистая, излишне возвышенная и не забываемая никогда в жизни.

Частенько, дойдя до парадной, Володя и Настя еще долго сидели на лавочке, разговаривали о том о сем, смотрели на звезды. О чем могут разговаривать влюбленные люди? Да все о том же. Старые как мир темы, вечные, никогда не устаревающие слова и фразы.

В один из таких теплых майских вечеров Володя набрался смелости и, наклонившись к Насте, робко поцеловал ее в губы. Девушка на миг застыла, как будто в оцепенении. Володя уже корил себя за поспешность, не слишком ли он настойчив? Нет, в глазах девушки блеснули искорки, а в следующий момент шею Володи обвили тонкие девичьи руки. Так они и стояли, обнявшись, шепча бессвязные, но такие важные в этот момент слова.

– Молодежь, молодежь, все бы вам на лавках обжиматься, – пробурчал проходивший мимо отец Насти.

– Извините, Владимир Антонович, мы только с прогулки.

– Да все я понимаю. Смотрите, не замерзните. И выпастись не забудьте, завтра экзамен, – с теплотой в голосе добавил отец девушки, подмигивая при этом Володе.

Настя в это время так и стояла, потупив глазки и вцепившись в руку молодого человека. В воздухе повисла неловкая пауза. Как будто что-то предосудительное произошло. Сейчас, с высоты прожитых лет, даже смешно вспоминать свои чувства и мысли в тот момент. Это потом уже понимаешь, что они оба этого хотели и оба боялись друг за друга. А мнение окружающих не имело значения. Впрочем, никто и не осуждал молодых людей, кроме уставших от жизни старушек соседок. Да и те ворчали чисто порядка ради, сами в душе остро завидуя молодежи.

Только когда за отцом закрылась дверь парадной, девушка отпустила руку Володи, чуть отступила назад и тихим грустным голосом поинтересовалась:

– Володя, ты все серьезно решил?

– Настенька, милая моя, любимая, я буду писать. Ты же знаешь, курсантам дают отпуск. Я буду приезжать. Ты дождешься меня? – паренек чувствовал себя неловко.

Вроде бы он должен остаться, как порядочный человек, сделать предложение. С другой стороны, не мог он. Такая ситуация – что бы ты ни сделал, как бы ни поступил, все равно чувствуешь себя предателем. Надо было выбирать что-то одно.

Сам Володя полагал, что выбора как такового нет, в итоге он получит и то, и другое. В душе же он понимал, что в первую очередь для него существует небо. Все остальное потом. Правильно или нет, сейчас уже не понять. Иногда впоследствии Ливанов сожалел о принятом решении, прекрасно зная, что не мог иначе. Жизнь такая штука – простые решения для дураков.

В тот вечер между молодыми людьми словно тень пробежала. Появилось ощущение, что счастье ненадолго, понимание неизбежности расставания, предчувствие конца. Они продолжали встречаться, вместе гуляли на выпускном. Волшебная ночь, которую они провели вдвоем, самая короткая ночь в году и... Нет, ничего не было, о чем иногда бахвалятся в мужской компании. Только нежные поцелуи на скамеечке в укромном уголке парка.

Через три дня Володя уехал. Естественно, Настя пришла на вокзал. Провожая друга, глядя на него мокрыми глазами, девушка обещала ждать и просила писать как можно чаще. Володя пообещал все, что только мог. Он искренне полагал, что когда вернется, может, через год, все будет как прежде. Он еще не понимал, что оставляет на перроне не только родной город, детские годы, родителей, друга детства Васю Наговицына, но и часть своего сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.